

ЯНА САНДЕРС

Гонимая
мастерская
попаданки

18+

Яна Сандерс Гончарная мастерская попаданки

<https://litres.ru/74578978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Работа в мастерской стала моей отдушиной. Но проблема никуда не делась! Достойнейшего на горизонте как не было, так и нет. И инквизитор этот маячит вечно рядом, как будто следит. Вот чего ему надо?

Ох беда с этими мужиками. Хорошо хоть новый знакомый оказался порядочным человеком. Или нет? И что означают все эти послания?

Боюсь нескоро я найду ответы на свои вопросы, а времени в обрез, и я прям чувствую как смерть идет по пятам.

На всё готова, чтобы избежать неприятностей.

В смысле, прыгнуть со скалы?!

Ну нет, мы так не договаривались, господин инквизитор!

Продолжение истории "Наказание для инквизитора"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	63
Глава 9	72
Глава 10	79
Глава 11	89
Глава 12	98
Глава 13	109
Глава 14	119
Глава 15	129
Глава 16	137
Глава 17	146
Глава 18	153
Глава 19	161
Глава 20	168
Глава 21	179
Глава 22	190
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Гончарная мастерская попаданки

Глава 1

С тех пор как Пауль очнулся, я стала навещать его в больнице каждый день и не могла не радоваться тому, что мой друг идёт на поправку.

Спустя несколько дней, он уже самостоятельно передвигался по палате. Правда, с палочкой, но всё же. Я рассказывала ему о том, как обстоят дела в мастерской и что нового произошло за время его болезни.

Выяснилось, что Матильда не просто так подпилила ось колеса. Она ненавидела Пауля за то, что тот не желал относиться к ней, как к будущей госпоже, посмеивался над глупостью алчной женщины и в общем, снисходил до неё ровно настолько, насколько она этого заслуживала. А уж когда у той ничего не вышло с замужеством, так женщина окончательно обозлилась. Уж больно ей хотелось поставить мужчину на место, какое она ему сама определила. Но не вышло.

Пауль умолял меня не портить ей жизнь и не искать возмездия. Ведь у неё дети, и он простил её. После чудесного возвращения Пауля я и не собиралась этого делать несмотря на глупые слухи, которые Матильда продолжала распро-

странять. Но пришлось всё же заметить старику, что если она снова перейдёт за рамки дозволенного, меры не заставят себя ждать. А не поможет стряпчий, я сама разберусь.

Роже стал чаще отлучаться по неким делам, о которых я имела смутное представление, догадываясь, кто именно вынуждал паря покидать дом. Они с Марион стали осторожнее в своих встречах. Но опасений от этого меньше не становилось. Роже переживал о ней. Как оказалось, тень всё ещё преследовала девушку. Зато она покинула Пауля, что не могло не радовать.

Пауль ежедневно учил меня гончарному ремеслу. Пока в теории, которую я по возвращении домой отработывала. Готовые изделия он не всегда одобрял и подсказывал, где я напортачила. Приходилось учиться на своих ошибках. И кто бы что ни говорил, такая учёба доказывала эффективность. Ну не умела я чужой опыт перенимать. Положительный или нет. Его всегда требовалось пропускать через себя, чтобы всё хорошенько усвоить.

Так прошла неделя. И, как предрекал доктор, спустя семь бесконечных по ощущениям дней, Пауль вернулся домой.

Теперь уже мы с ним трудились плечом к плечу. Напрягать его после пережитого мне не хотелось, но Пауль сам вызвался сесть за круг, потому что устал без дела, и я его понимала.

К тридцатой по счёту урне из заказа графа Кредони я уже ловко справлялась с податливым материалом, или это он

принял меня. Но одно было ясно: мы с глиной подружились. Вот только незадача. Тогда же оказалось, что никто на радостях не вспомнил пополнить запасы глины.

— Далеко за ней ехать? — спросила я Роже, снаряжавшего лошадь в путь.

— У реки есть место, где её много, — ответил он. — Я привезу к вечеру.

— А можно с тобой? — не удержалась я, ощутив, как сильно во мне желание выйти за пределы квартала, который я, можно сказать, почти не покидала.

— Там очень грязно, Катрин. Я накопаю и вернусь.

— Ну пожалуйста, — пришлось даже руки молитвенно сложить.

Роже не мог спорить. И, получив напутствие от Пауля, чтобы ехали и ни о чём не переживали, мы с Роже покинули мастерскую.

Мне не хватало этого. Длительной прогулки по безлюдным полям и вдоль берега, звуков природы, живописного пейзажа вдалеке и живой, извилистой речки, что спускалась в низину и упиралась в окраину леса, продолжая там свой непокорный путь.

Течение у реки было быстрым и шумным. Кое-где она прерывала бурный поток короткими водопадами, опоясывала огромные валуны, перепрыгивала через коряги, и эта её свобода заражала.

Мне тоже хотелось бежать далеко-далеко, встречая на

своём пути лишь те препятствия, какие можно преодолеть. Если так подумать, то чего мне не хватало? На что я смела жаловаться? Ведь у меня имелся такой немислимый дар, с которым по тёмным подворотням в одиночку не страшно передвигаться. Но мне хотелось убежать от него. От судьбы, в которой я либо умру в муках, либо вынуждена буду сделать выбор, который не факт, что оказался бы верным.

От него хотелось скрыться. Потому что мозг всё никак не желал примириться с участью.

Телега остановилась недалеко от окраины леса. Когда мы вышли, Роже взял по ведру в каждую руку и стал спускаться в небольшую низину, где от размытого берега отходил пласт перекопанной земли. Земля эта отличалась серостью от остальной чёрно-коричневой прибрежной линии, покрытой травой и кустарниками. Из чего следовало, что именно отсюда все те, кому требовалась глина, брали её.

— Побудьте здесь, Катрин, — проговорил Роже, оборачиваясь. — Я быстро.

Спорить не стала. И когда парень начал спускаться по склону, утопая подошвами сапог в сырой, глинистой земле, прижалась к телеге и стала ждать.

Вокруг не было ничего, кроме простора, раскинувшегося от кромки воды на много сотен метров. Поля отдыхали после сбора урожая, а луг, что протянулся от края скошенной равнины, весь усеян был цветами.

Меня манило туда. Безумно захотелось вдруг окунуться

в это море ароматов, среди которых наверняка нашлись бы совершенно незнакомые мне, неповторимые и головокружительные.

Предупредив Роже, успевшего набрать два ведра и пришедшего за следующими, я оставила его и, придерживая юбки, заспешила к лугу.

Но стоило мне подойти, с ближних цветов и кустарников сорвалась стайка бабочек. Они немного покружились, давая себя рассмотреть, и улетели в сторону леса.

Я бесстрашно ступила в высокую траву и остановилась, наслаждаясь смесью ароматов, каких даже вообразить себе не могла. Нет, в воздухе вокруг витали и привычные нотки, и я отчасти угадывала, что именно они входили в состав парфюма, каким пользовался Дамиан. Но было и что-то другое, что-то пьянящее и притягательное. Оно заставляло дышать чаще, волновало кровь, вызывало желание. Именно желание, то самое. И сопоставить происходящее с тем, что я чувствовала, у меня не получалось.

В какой-то момент разум подвергся панике и немного усмирил чувства. Но несмотря ни на что, я всё шла и шла, поглаживая цветы и повинаясь зову чего-то волшебного, необъяснимого и опасного. Вскоре дыхание стало таким сбивчивым, а походка такой нетвёрдой, что, запутавшись ногами в подоле юбки, я не удержалась и упала с коротким воплем. Когда же, недоумевая, как можно быть такой неуклюжей и падать на ровном месте, я подняла голову и вытянулась

на руках, мир перестал существовать. Точнее, он собрался в одну точку, которая завладела всем моим существом.

Я никогда таких цветов не видела. Открывшийся взору куст был весь усыпан крупными белыми бутонами, напоминавшими физалис. И бутоны эти будто бы дышали, то открываясь, то закрываясь, хватая воздух. При каждом выдохе цветы с нежно-розовой сердцевинкой выпускали из себя розовое облачко, и я не сразу сумела понять, что все как один бутоны дышат на меня.

Головокружение стало невыносимым. Как и желание присвоить себе каждый цветок.

Одержимость завладела мной. Но как только я потянулась к ближайшему стеблю, чтобы сорвать его, резкий голос остановил меня:

— Я бы не советовал.

Обернувшись, поздно поняла, что мной вновь овладел приступ, руки искрят, а жар в груди разлился такой, что я сейчас сгорю. Залп искр вылетел из моей ладони произвольно. Я не желала никому зла. Просто испугалась. Но навредить говорившему не успела. Тот ловко сгруппировался и прокатился по траве прямо под залпом искр. Они рассеялись в воздухе. Когда же мужчина по-звериному встал на четвереньки, и я поняла, что он цел, испытала на миг облегчение. Но только на миг.

Теперь на меня смотрели недобрым взглядом два тёмных, почти чёрных глаза брюнета, одетого так, как, навер-

ное, мог одеваться лесничий или охотник в глубокой древности. Плотный кожаный жилет облегал крепкий, мускулистый торс, облачённый в тунику из тонкой шерсти. Талию опоясывал кожаный ремень брюк, заправленных в высокие сапоги. Мужчина имел длинные волосы, собранные на затылке. Не слишком длинная борода была аккуратно подстрижена, и весь этот пугающий в обычной жизни облик самца при нынешнем моём состоянии случился чрезвычайно не вовремя. Как никогда мне хотелось отдать в ту минуту свой дар. И плевать, достойнейший передо мной или самый что ни на есть посредственный.

Мужчина стал медленно подниматься, выпрямляясь во весь рост. Остаток здравого рассудка и мне всё же велел подняться несмотря на жгучее желание остаться с незнакомцем в высокой травке.

Боже, что со мной?!

Я переключила внимание на цветок. Бутоны всё ещё дышали на меня, а желание становилось всё сильнее.

— Ты, что, не местная? — спросил мужчина, напряжённо вглядываясь в моё лицо. — Кто такая?

— Не ваше дело, — голос дрожал, а руки сами собой тянулись к вороту, чтобы расстегнуть пуговицу на рубашке. Уф, да что же так жарко?

Сказать, что я не ожидала дальнейшего — ничего не сказать. Внезапно раздался свист, и что-то стремительное пролетело прямо у меня перед лицом. А через мгновение белые

цветы перестали дышать. Ещё секунда, и они бессильно повалились на землю, будто кто разом скосил весь куст.

Недоумённо уставилась на недавнее великолепие. Как оказалось, незнакомец и впрямь его скосил. Одним ударом длинной кожаной плетью.

— К этим цветам нельзя приближаться — сказал он, пряча за пояс, на котором имелся ещё и кинжал, свёрнутый хлыст. — Тебя, что, не учили?

— Нет, — растерянно проговорила я. — А что с ними не так?

Внезапный вопрос в лоб огрел похлеще бетонной стены.

— Хочешь меня? — мужчина усмехнулся.

— Вот ещё! — пискнула я единственное, на что хватило сил.

Но так как возбуждение моё явственно отражалось не только на лице, но и в повадках, незнакомец заявил безапелляционно:

— Поэтому к ним и нельзя приближаться.

Человек шагнул ко мне и сделал вдруг такое, отчего я едва не заорала. Прямо мне в лицо плеснули водой из фляги. Очень хотелось надеяться, что это была именно вода.

— Ты! Ты! — я не находила теперь слов, стоя мокрая, с растопыренными руками и закипая от негодования. — Что ты себе позволяешь?!

Но незнакомец и не думал мучиться угрызениями совести.

— Сейчас станет легче, — сказал он, закручивая флягу и убирая её за пояс. — А теперь уходи. И никогда не ступай в нескошенный луг. Муфелицена сорняк. Вырасти может где угодно и когда угодно.

— Муф... — попыталась повторить, стараясь не думать, какой вид приобрели причёска и платье после встречи с водой.

— Уходи, я сказал! — повторил мужчина, но в более приказном тоне.

Не стала спорить. Подхватив юбку и с облегчением осознав, что меня стало меньше тянуть на интим, а взгляд больше не скользит по облегающим крепкие ноги мужчины брюкам, я поспешно кинулась к реке.

Обернулась пару раз. На третий незнакомца и след простыл.

Роже как раз устанавливал в телегу последнее ведро, когда я вернулась к нему.

— Мисс Катрин, что с вами? — спросил он, увидев мокрую меня.

— Ой, дружище, — я отмахнулась. — Не бери в голову. Оступилась. В речку упала. Зря всё-таки я навязалась с тобой поехать. Надо было дома остаться.

Роже кивнул. Но, будучи парнем сообразительным, смолчал, заметив мою юбку. Совершенно сухую после якобы падения в реку.

Глава 2

Название цветка и сам он не давали мне покоя.

Что-то знакомое слышалось в слове муфелицена, но я никак не могла вспомнить, что именно. Вернувшись домой, я предупредила Роже, что мне нужно отлучиться по важному делу. Сама же отправилась напрямик к Флоре. Уж она то знает, что за фрукт этот цветок, который из кожи вон лезет, чтобы я тотчас же возлюбила ближнего своего, как только его понюхаю.

Цветочная фея наводила порядок в саду, где я её и отыскала.

— Ты, что, не знаешь? — Флора удивилась не меньше того парня. — муфелицена — опасное растение, запрещённое к выращиванию. Она одурманивает людей своим ароматом и толкает их на необдуманные поступки.

— Определённого плана поступки или есть выбор?

— Выбора нет, — отрезала девушка, прекратив щёлкать ножницами над симпатичным кустиком. — И если в момент, когда ты надышишься, мимо будет совершенно случайно проходить какой-нибудь мужчина, ему очень повезёт с тобой.

— То есть эффект не остановить?

— Ну почему? Срежь цветок, умойся и протрезвеешь. Лучше всего, конечно, ещё нос и горло промыть, но сорван-

ное растение перестаёт на тебя действовать, и совсем скоро эффект рассеивается. А почему ты спрашиваешь?

На меня глянули с подозрением хитрые зелёные глаза.

— Да так, интересно стало. Сплетню одну на улице услышала. Вот и пришла спросить у тебя.

— Из неё ещё настойку делают, чтобы опоить, очаровать, залюбить и обчистить карманы и кошельки жертв. Про муфелинщиц, наверное, тоже слышала? Они довольно популярны среди постояльцев Дома Инквизиции.

Я вспомнила. В день, когда меня арестовали, дежурный в обезьяннике докладывал капитану о какой-то муфелинщице. Надо же. Это что-то вроде наших клофелинщиц, что ли? А ещё Дамиан упоминал, что в одной из чашек на столе после смерти Франсуа были найдены следы муфелина. И это значит, что отчим напоил меня гадостью, от которой я должна была возбудиться настолько сильно, что не сумела бы ему отказать.

Я села прямо там, где была. Хорошо хоть имелся стул. Заметив моё состояние, Флора оставила цветок и бросилась ко мне.

— Что с тобой? Тебе плохо? — девушка испуганно склонилась, щупая мой лоб. — Опять приступ?

— Нет-нет, всё хорошо. Я пойду.

— Давай всё-таки ты останешься. Посидишь. Чаю попью. Я как раз пирожные вкусные купила.

— Спасибо, Фло. Но я как раз собиралась приступить к

твоему заказу.

— Неужели? — усмехнулась подруга. — Значит, прахохранилища для ненаглядного кровососа уже готовы?

— Совсем немного осталось. У нас закончилась глина, и сегодня мы с Роже ездили пополнить запас. Знаешь, у меня вот прям руки чешутся продолжать творить. Иногда бывает есть нечего и не убрано в доме, а я остановиться не могу. Буквально заставляю себя прервать работу.

— Рада слышать. И как самочувствие?

— Боюсь сглазить, — рассмеялась я. — Но иногда напроць забываю о своей проблеме. Разгоняю круг, и буквально искры летят. И я боюсь, как бы изделия, что вышли из-под моих пальцев, не испортили кому-нибудь жизнь. Коснётся человек вазы или кувшина, а она раз и, руку ему обожжёт.

— Не думаю, — покачала головой Флора. — Ты наполняешь свои изделия хорошей, правильной энергией. Тебе нравится процесс и результат. А значит, вещи эти принесут только пользу своим владельцам. Вот увидишь.

Подруга совсем обнадёжила. И несмотря на поразившее меня открытие насчёт опасного растения, домой я возвращалась в приподнятом настроении.

— Сколько удобных мест для ловушек ты мне приготовила, Катрин, — говорил Клод, когда я после очередного приступа вдохновения выравнивала невысокий, пузатый кувшин. — Мухи очень любят забираться в посуду и ужасно удивляются, когда оказываются обездвижены.

Я прервалась и глянула исподлобья на свисавшего с гардины паука.

— Не вздумай, — потребовала тихо. — Я ведь намерена продать все эти изделия. И совершенно не горю желанием проверять и вычищать каждый горшок от паутины.

Паук издал что-то вроде смешка, не прекращая праздно раскачиваться из стороны в сторону.

Я не удержалась. Протянув руку, сорвала тонкую нить. Клод этого явно не предвидел. С громким писком он глухо шлёпнулся прямо на гончарный круг. Более того — он почти полностью увяз в капле глины, оставшейся после работы.

Ужас отразился во всех шести глазах.

— Помогите! — ещё громче запищал он. — Помогите! Убивают! А-а-а!

Пока я наблюдала за утопающим, не смеяться было выше моих сил. Даже не догадывалась, что у пауков бывает настолько живая мимика.

— Что, Клод, — я облокотилась на круг и подпёрла кулаком щёку. — Почувствовал себя мухой? Как ощущения?

— Меня затягивает, Катрин! Ты что, не видишь?! Вместо того, чтобы болтать, помогла бы другу! Не погуби, милая моя, хорошая! Ой, не могу больше! Задыхаюсь!

Можно было бы ещё полюбоваться на мучения противного паука. Но мне всё же стало жаль его. Особенно когда на поверхности остались одни глаза, и несчастный лишь мычал что-то неразборчивое.

Аккуратно зацепив его двумя пальцами, я вынула Клода из ловушки и, встряхнув немного, поставила на чистое место.

Пошатнувшись, паук разок потерял равновесие, а когда обрёл опору на нетвёрдых лапах, проговорил возмущённо:

— Ну, знаешь, четырёхпалая, это низко! Друзья так не поступают! Я чуть не умер!

— А ещё друзья не плетут паутину в кувшинах своих друзей, когда их просят не делать этого.

— Нашла с чем сравнивать! Я же тебе гадости не делаю и вообще. Чистоту в доме, между прочим, поддерживаю. А ты меня в глину. Если б я тебе был враг, терпел бы меня твой дом? Да выплюнул бы в раскрытые двери, как зомби того, и не дал бы близко подойти. Как той дамочке два дня назад.

Я замерла.

— Какой ещё дамочке?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Клод, продолжая чистить лапками голову. — Мне не до неё было. Тогда только-только занимался рассвет, и я вышел проверить ловушки за оконной рамой. Смотрю, крадётся какая-то в плаще, капюшон на голову сильнее натягивает. Озирается. Лица не видно, зато руки белые. Сразу смекнул, что в перчатках. К крыльцу, значит, подходит эта мадам, не успевает двери коснуться, и бах! — искра прямо от дверной ручки к её руке. Та засветилась, а владелица её аж запрыгала на месте, конечность свою прижимая к груди и подвывая жалобно.

Заорать-то она, ясное дело, не могла. Иначе бы её раскрыли. А ей, судя по всему, требовалось проникнуть в дом тайно.

— Почему ты мне раньше об этом не рассказал?

— А чего рассказывать? Дом всё равно защитит тебя, кто бы ни пытался проникнуть. Да и сама ты явно не промах.

— В другой раз обязательно говори, если увидишь что-то подозрительное.

Паук фыркнул недовольно, но спорить не стал. Я же больше ни о чём не могла думать, кроме как о незнакомке, которая пыталась проникнуть в мой дом.

Матильда?

Но тогда, откуда шёлковые перчатки?

Марион?

Её дом всегда пропускал, даже когда я сама не догадывалась о присутствии девушки где-то поблизости.

Оставалась Версалия. Потому что кроме неё и замарахи-булочницы никто не выказывал столь открыто своей ненависти ко мне.

Чем больше я думала, тем крепче становилось убеждение в последнем. Именно Версалия желала проникнуть в лавку незамеченной. Что именно ей было нужно, я могла лишь догадываться. Ожидать от этой женщины можно было и яда, незаметно добавленного к еде, и порчи имущества, и какой-нибудь провокации с целью оклеветать меня, обвинив в воровстве. Но больше всего я склонялась к варианту с банальной кражей. Да те же письма к отцу могли не давать ей

покою, ведь они обличали всю гнусную природу этой женщины, шантажом вымогавшей деньги и ценности у придворных. По-хорошему переписку давно следовало предъявить, куда надо и устроить первой фрейлине сладкую жизнь в ответ на многочисленные злодеяния с её стороны.

Но что, если в доме помимо её писем Франсуа было нечто такое, чего я не должна была увидеть? Эту мысль я отмела быстро. Ведь после уборки не осталось ни одного клочка бумаги, который я бы не изучила. Грудь обжигало беспокойством, а потому, чтобы хоть немного его унять, я оставила дела и взялась за разбор того, чего моя рука ещё не касалась.

Ну не тянуло меня к сундукам, щедро забитым неприлично дорогими подарками. Не считая свой поступок достаточным для подобных внезапных благ, я всякий раз обходила их стороной, надеясь втайне куда-нибудь пристроить добро.

Да, я помогла Марион. Но вместе с этим стала косвенно причастна к тому, что девушка свернула с истинного пути. Теперь невеста регулярно изменяла жениху с Роже, и, бывало, я настолько ощущала себя виноватой в их случайной встрече, что делалось тошно. В такие моменты успокоиться помогала глина. Она вообще довольно часто помогала снять напряжение и трезво оценить ситуацию, подумать иначе над привычным и принять неожиданное для самой себя решение.

Сундуки давно уже переехали в дальний угол за шкафом в моей комнате. Приблизившись к ним, я отворила крышку

одного и тяжело вздохнула.

Ткани, ткани, ткани. Огромные рулоны в пору было отправить на швейную фабрику и нарядить целый гарнизон девиц из какого-нибудь благородного пансиона. Шёлк, парча, кринолин, шерсть, лен и кружево были аккуратно проложены калькой, чтобы отрезы материи не тёрлись друг о друга. Нотки душистого мыла приятно щекотали рецепторы, а ладонь невольно гладила одну ткань за другой, наслаждаясь текстурой.

Почти всё выполнено было в сдержанных, нежных оттенках, подходящих блондинке моего типажа. И лишь совсем немногие образцы отличались яркостью насыщенного красного, синего и зелёного цветов.

Я не удержала порыв. Мне вдруг до невозможного захотелось осмотреть содержимое сундука, искупаться в этом море цвета, прижимая к себе один за другим отрезы и кружась перед зеркалом.

Сперва гладкий шёлк, за ним — стопка льняных тканей заняла место на постели. А когда я потянулась к складкам тонкой шерсти почти телесного, бежевого оттенка, рука за что-то зацепилась.

Это была бумага. Вынув сложенный пополам листок, я развернула его и прочитала размашистый, небрежный текст:

«Не спеши доверять живым.

Лишь мёртвый скажет правду.

С любовью, мама».

Глава 3

Я упала. Нет, не в обморок, а стала заваливаться на подкосившихся ногах. И если бы не комод за моей спиной, приземлилась бы задом прямо на пол.

Как это возможно? Как умершая мама могла написать Катрин записку? Главное, чем?

Выронив листок, я прижала к глазам ладони, судорожно соображая, что происходит, после чего резко отпрянула от комода и снова бросилась к сундукам.

Теперь мне было не до нежных текстур и приятных оттенков. Самым грубым образом перевероротив и разбросав ткани по полу, я прошерстила их все, так и не найдя больше ничего.

Та же судьба ждала платья из соседнего сундука. Я даже не замечала сложного кроя, изящного фасона, тонких расшитых нитью и бисером узоров. Возможно, я даже что-то порвала в порыве искателя истины. Но и здесь кроме тряпок не было ничего.

Последний сундук вмещал в себя нехитрые украшения и аксессуары. Крохотные сумочки на длинных ручках в виде цепей, гребни, заколки, броши и коробочки, коробочки, коробочки.

Чего в них только не было. Серьги, подвески, браслеты, бусы, ожерелья, кулоны. Возможно, они стоили немало, хоть

металл и не выглядел драгоценным. Но меня сохранность предметов не волновала. И вскоре весь пол был усыпан мелкими блестяшками, а я сидела на постели, запыхавшаяся, в ворохе тканей, и сжимала пальцами бумажку.

Почему? Почему, если мать сумела выйти на связь, она не написала больше ничего, кроме этого дурацкого предупреждения? И как мне теперь с ним поступить? Искать некроманта на чёрном рынке? Ведь их деятельность запрещена законом.

Ощущая смесь злобы и тревоги, я поймала на подлёте новую вспышку силы.

Ну нет, зараза такая. Не сегодня. Сейчас я отдышусь, убежу здесь всё и отправлюсь снимать стресс в мастерскую. Как раз задумка новая имеется. А обо всём остальном стану ломать голову, когда успокоюсь. Главное, не поддаваться раздражению.

И всё же как только я с уверенностью поднялась и сделала шаг вперёд, всё внутри оборвалось, из моего рта само собой вылетело неприличное ругательство и, схватившись за ногу, я снова повалилась на кровать.

Как же это оказывается больно наступить голый пяткой на мелкий острый предмет. Да, у броши, которую я раздавила, отвалилась застёжка. Но мне не было её жаль. Нога, из пореза на которой теперь сочились алые капельки, расстраивала куда больше.

В связи с мелкой травмой уборка и наведение порядка

сильно затянулись, а настроение окончательно ушло в минус. И хоть я по совету Пауля наложила на ногу целебную повязку с дегтярно-травяным жмыхом, наступать на место пореза было больно. И я хромала. Даже в какой-то момент попросила у старика трость, оставшуюся после больницы. Да так и ходила по дому, опираясь на третью ногу.

Дожили. Двадцать с небольшим лет от роду, хожу с палкой. А ведь в свои пятьдесят и после всех нападений я передвигалась легко и даже суставы не мучали. А с тростью в буквальном смысле физически ощутила себя ещё старше, чем была в прошлой жизни.

И всё бы ничего. Вот только мы с Роже именно сегодня собирались отправиться к графу, чтобы отвезти заказ.

Да, урны были готовы, и тянуть с ними мне не хотелось. Отмучиться и забыть хотя бы на время об этом клыкастом извращенце, который теперь, чувствую, при любой удобной возможности будет просить меня сделать ему больно.

— Катрин, — обратился ко мне Пауль, когда вся поклажа была составлена в кузове и проложена мешковиной, — вы уверены, что вам стоит ехать? Роже бы и сам справился.

— Нет, мой друг, — я покачала головой. — Граф ясно дал понять, что будет ждать меня с заказом. К тому же теперь, когда я вложила в это дело свой посильный труд, мне важно было, чтобы заказчик остался доволен, а в случае чего я сразу могла понять, что не так.

Старик волновался, но спорить не стал. Он уже знал, что

с вампиром мы более-менее поладили. И когда Роже помог мне забраться в телегу, а сам взялся за поводья, краем глаза я увидела, как Пауль повёл рукой в воздухе. Что-то такое я уже видела за время пребывания в Рестольте. Символ местной веры хоть и отличался от привычного мне, всё же воспринимался с не меньшей теплотой. Особенно когда тебя благословляют на добрый путь.

В этот раз мы не поехали к реке. Миновав торговый квартал и больницу, телега выбралась на площадь, окружённую с пяти сторон домами, похожими на длинные старинные казармы с чередующимися вдоль фасадов каменными арками. Здесь имелись палатки с угощениями и пёстрые шатры, куда зазывали любителей нехитрых площадных развлечений. В толпе горожан, одетых то в простые крестьянские платья и подвязанные шаровары с рубашками, то в дорогие костюмы, сновали пёстрые молнии. Такими были цыганки в моём мире. Они то и дело приставали к людям, предлагая им погадать. Чаше на уловки этих женщин попадались молодые солдаты, которым внимание симпатичных смуглянок страшно льстило.

— Почему мы поехали здесь? — спросила я Роже, когда площадь осталась позади, и мы оказались на широкой улице.

— Ночью был ливень, и короткую дорогу размыло, — ответил парень. — Немного поплутаем, если вы не против. Зато не увязнем в грязи.

Он вопросительно посмотрел на меня. Я согласилась. Ко-

нечно, уж лучше так. Ведь если мы и второй раз угробим продукцию и не довезём её до заказчика, тот может и разозлиться. А злой вампир — это вам не шутки. Такому делать больно замучаешься в уплату долга.

Смена маршрута оказалась хорошей идеей ещё и потому, что я, наконец, увидела город.

Мы довольно долго петляли по улицам, и с каждым поворотом я отмечала, как менялся пейзаж. На смену крестьянским домам и домам ремесленников пришли каменные здания с украшениями на фасаде в виде фигурной лепнины. Здесь имелся банк, университет, даже академия, над шпилем которой кружились красно-зелёные всполохи, намекая на то, что академия волшебная.

Часовая башня особенно поразила меня тем, что в момент, когда телега проезжала рядом с ней, с хрустом перевернулись огромные песочные часы, закреплённые в круглом проёме высоко над нашими головами.

Вот так просто взяли и кувыркнулись, отмерив тем самым новый виток времени. Но оттого принцип работы механизма не стал более понятен. Всё равно ведь неясно, сколько времени.

— Ка-а-ар-р-р! — крик огромного ворона, который вылетел из каменного круга, настолько меня напугал, что я чуть не кувыркнулась.

— Четыр-р-ре часа-а-а-а! — провозгласил он. И хлопнув крыльями, исчез за часами.

— Всё хорошо? — спросил Роже.

— Да-да, — успокоила я его, впервые осознав, что не особенно интересовалась временем в том мире, где очутилась. Ну, потому что в доме у Катрин часов не было. И мне почему-то ни разу не приходила мысль раздобыть их. Не до того как-то. Считается, что счастливые не наблюдают часов. Что ж, видимо, сюда можно отнести и тех, кому банально некогда следить за временем.

Я успела отсидеть себе мягкое место на досках, когда телега пересекла один перекрёсток, затем второй и по тряской дороге выехала на озарённую вечерним солнцем пустошь. Здесь не было реки, а редкая растительность вызывала грустные мысли. Довольно безжизненной выглядела эта часть города. Но Роже оказался прав. Здесь мы хотя бы не рисковали застрять в мокрой грязи, потому что дорога поднималась в гору.

Напряжение несчастной лошадки, которая вынуждена была тянуть свою ношу по довольно крутому склону, я буквально ощущала кожей. Животное содрогалось всякий раз, когда делала шаг и с усилием взбиралась всё выше, пыхтя и фыркая. Мне стало жаль её. И несмотря на ногу, которая всё ещё побаливала, я спустилась и, поравнявшись с возницей, продолжила неспешный путь.

Роже покосился на меня непонимающе. Только после этого он опомнился, а следом быстро соскочил с лошади, встав по другую сторону и взяв её под уздцы.

— Долго нам ещё? — спросила я, ощущая подступы вечерней прохлады.

— Сейчас выйдем на более пологое место. Недалеко осталось. И дальше вы всё сами увидите.

Удивлённо вскинула брови. Вот интриган.

— Всё забывая спросить, Роже. Как поживает Марион?

Парень смутился. Но всё же ответил:

— Мы давно не виделись. Она сказала, что уедет на несколько дней по поручению королевы.

— Скучаешь по ней?

Роже пожал плечами, совсем сконфузившись.

— Она милая. И мне с каждой нашей встречей всё больше кажется, что я к ней прикипаю. Не могу объяснить. Такое чувство тёплое и вместе с тем мне грустно. Потому что Марион также легко, как она возникла, может исчезнуть из моей жизни, когда ей надоест. Или когда она выйдет за того военного. Но я не смогу пережить это так легко, как она. Мы слишком сблизились.

Ох, жестокая в своём озорстве, пылкая Марион. Ты ведь даже не догадываешься, какую рану оставишь на сердце этого однолюба.

— А что насчёт тени? — настороженно спросила я.

— Она становится всё тоньше. В последнюю нашу встречу я уже едва мог различить её.

Мои губы невольно растянулись в улыбке.

— Это замечательно. Так она скоро исчезнет, и можно бу-

дет не волноваться.

Роже снова пожал могучими плечами.

— Не знаю, Катрин. С ней всё иначе. Тень Пауля исчезла сразу. Ни следа не осталось, когда он очнулся. А здесь что-то странное. И меня не покидает ощущение, что Марион в опасности.

— Я скоро отправлюсь на праздник во дворец. Если хочешь, могу поговорить с ней. Предупредить, чтобы была осторожна.

— Я уже предупреждал её.

— И рассказывал о своих способностях?

— Нет. Мне не хочется её пугать и приходится ссылаться на чужих.

— А она что?

— Хохочет и тащит меня в кусты или в переулок. Мы вообще мало разговариваем.

Я лишь тяжело вздохнула.

По серпантину с горным пейзажем из невысоких деревьев и кустарников мы и впрямь взобрались быстро. А когда ступили на ровный участок, я потеряла дар речи от открывшегося зрелища.

Глава 4

Передо мной возник пейзаж, от которого захватило дух. На широком серпантине полукругом и далее вверх по скалам простиралось горное поселение с плотно приставленными друг к другу домами. Одни будто вырастали из камня, другие крепились на мощных сваях. Посреди этого смелого архитектурного вызова гравитации на небольшом возвышении устремлялся своими острыми шпильями в пасмурное небо тёмный, мрачный замок. Самый настоящий. Только крепостной стены не хватало. Скала, по которой мы двигались, отвесным краем спускалась к морю. Волны его били о камни где-то далеко внизу.

Подобрав челюсть, я посмотрела через шею лошади на Роже и спросила:

— Это что такое?

— Графство Кредони.

— Прямо графство? В буквальном смысле? С подданными, сборщиками налогов и своей властью?

— Ну да. А что вас удивляет? — Роже нахмурился.

— Нет-нет. Совершенно ничего не удивляет, — включила я дурочку. — Конечно, графство. Антуан ведь граф? Так что всё правильно. И куда дальше?

Роже несколько секунд смотрел на меня с некоторым опасением, после чего ответил:

— Здесь одна дорога. Пойдёмте.

Мы свернули и пошли вдоль обрыва по сырым после дождя камням мостовой. Дорога немного уходила вниз, но я не спешила забираться в телегу. Нога почти совсем прошла, и хотелось насладиться прогулкой по живописным окрестностям удивительного поселения.

Цокот копыт и скрип колёс стали ещё более звонкими, когда мы проехали широкий арочный свод, над которым развевался на ветру чёрный флаг с замысловатым гербом. Минувая арку, я увидела улицу, по одной стороне которой тянулись дома, а по другой — условное ограждение из тонких брёвен. Слишком хлипкое, чтобы его можно было воспринимать всерьёз. Но местным, как это ни странно, его было вполне достаточно. Потому что возле одного из крылец шумно играли дети, и никто их не контролировал.

Когда группа ребят на вид от четырёх до восьми лет осталась позади, они очень уж раскричались, не сумев, вероятно, поделить игрушку. Тогда на крыльцо вышел кто-то из взрослых, и я услышала благоговейный старушечий голос:

— Несносные дети! Вы верно хотите, чтобы граф утащил вас в своё логово! Умолкните и не поднимайте лишнего шума, чтобы не навлечь на наш дом больше бед, чем мы имеем! Захотелось ускориться.

Отойдя на приличное расстояние, наша процессия свернула на соседнюю улицу, и тогда лишь я спросила у Роже:

— Граф Кредони, что, держит их в страхе?

— Я плохо знаю местные порядки, Катрин, — ответил Роже. — Но насколько мне известно, граф защищает свои земли от чрезмерных поборов, помогает погорельцам, вдовам и сиротам, оставшимся без кормильцев. А недавно он построил здесь больницу.

— Но почему, — я не договорила, кинув возмущённый взгляд туда, откуда всё ещё доносился плач перепуганных детей.

— Так бывает, — ответил Роже. — Люди любят придумывать злодеев, пугать ими детей, чтобы те боялись и не заигрывались слишком или не уходили далеко от дома. Мне даже иногда кажется, — он понизил голос, — что та, о ком нельзя говорить, на самом деле не такое уж чудовище.

Моё лицо удивлённо вытянулось.

Надо же, безграмотный крестьянин, а не лишён критического мышления.

До ворот замка мы добирались долго. Настолько, что я снова стала припадать на ногу, а колени и спина нещадно гудели.

Давно закончились домики горожан, и на обширном плоскогорье за каменной оградой с массивными полуовальными воротами возвышался замок Кредони, облицованный мрачным тёмно-серым камнем, ещё более величественный и монументальный, чем когда я видела его издали.

Всеобщая атмосфера местности невольно уводила фантазию в средневековье, где феодал, обитавший в замке, распо-

ряжался вверенными ему землями по собственному усмотрению, а жители трепетали перед ним. Когда же я увидела охранника у врат, его латы и кольчуга стали последней каплей в котле моего воображения.

Грохоча металлом, человек со скрипом поднялся с выступа, на котором сидел, и, опираясь на копьё, шагнул нам навстречу.

— Кто такие? — спросил он зычным басом.

— Мы гончары, привезли его светлости заказ, — ответила я.

Мужчина хмуро оглядел меня, переметнулся к моему спутнику.

— Оружие есть? — спросил он Роже.

Тот отрицательно покачал головой, но руки расставил, готовый к досмотру.

Так, значит, вампиры всё-таки уязвимы, и оружие против них имеется? Или стражник для поддержания нужного эффекта ведёт такие речи?

Досматривать нас не стали. Лишь обойдя телегу, воин откинул покрывало и скользнул взглядом по составленным рядами урнам.

Когда лязгнул замок на воротах, и дверь с массивной задвижкой медленно отворилась, мы с Роже продолжили путь. Но вскоре пришлось остановиться, потому что на полдороги лошадь занервничала, упираясь ногами в землю и неистово фыркая.

— Тихо-тихо, — успокаивал её парень, поглаживая по морде. — И вот так всегда. Она боится этого места.

Бояться и впрямь было чего. Пространство вокруг стен замка и по обе стороны от выложенной камнем дороги было усеяно высокими колючими кустарниками с длинными и острыми шипами. Кое-где из земли выглядывали покосившиеся кольца с надетыми на них черепами, и в вечернем полумраке мне то и дело мерещилось голубоватое свечение, которое их окутывало.

— Оставайтесь тут, Катрин, — продолжил Роже. — Я скоро.

Кивнула, хоть и не испытывала большого желания быть здесь одна в компании нервного животного.

Поспешно преодолев дорогу, парень взбежал по лестнице, взялся за массивное кольцо и стукнул несколько раз. Пришлось ждать. Когда же рука снова потянулась к кольцу, дверь скрипнула, отворив небольшой проём, в котором возникло до боли знакомое лицо оттенка бледной зелени.

Жорес Плюраль посмотрел своим рыбьим взглядом сначала на Роже, потом на меня, и скривился болезненно. Помедлив немного, он всё же вышел к нам.

— Гад видеть вас, Катгин. месье Гоже, — проговорил зомби, сглотнув, и коротко поклонился нам. — Ггаф пгедупгеждал, что вы пгидедите.

— Где же он сам? — спросила я.

— Отлучился по важному общественному делу. ЧП в пог-

ту. Впгочем, не суть. Пгисутствие ггафа нам не тгебуется. Он довегил мне это дело. Так что? Покажете, что пгивезли?

Жорес стал спускаться, тяжело переваливаясь на ходу и размахивая локтями. А я невольно отшатнулась, когда он принялся протискиваться между мной и телегой. Жутковато всё-таки иметь дело с зомби, который одним своим присутствием ломает основы официальной медицины.

Он потёр ладонями друг о друга и откинул полог.

— Ну-ка, ну-ка. Что ж. Недугно, — заключило существо, оглядев пару экземпляров. — Следуйте за мной.

Жорес также вразвалочку направился к крыльцу, но у первой ступени свернул вбок и продолжил путь вдоль стены. Телега вполне могла там проехать, однако лошадь наотрез отказывалась. В итоге решено было оставить её у самых ворот, а урны носить самостоятельно.

Как я и думала, сбоку в стене оказался малоприметный вход. И свернув туда, мы спустились по ступеням, попав в довольно просторное помещение без окон. Раздался звонкий стук. Потом ещё и ещё, и после этого висевший на стене факел загорелся пламенем, а глазам моим открылся вид на комнату с низким сводчатым потолком и стеллажами во всю стену. По большей части они пустовали. Но кое-где имелись горшки, похожие на наши урны.

— Вы очень вовгемя, — сказал Жорес. — Запасы подходят к концу. И не всегда получается избежать печи. В поселении частенько вспыхивают опасные эпидемии, и тгупы

пгиходится жечь. Сами понимаете, скученность, пегенаселение. Но не волнуйтесь. С откгытием больницы и ужесточением санитагного контголя здесь стало поспокойнее.

После очередной ходки я не выдержала и, расставив урны, куда было велено, обратилась к зомби:

— Жорес, прошу, простите меня за то, что случилось в нашу последнюю встречу. Я вовсе не желала навредить вам, хоть и злилась ужасно.

— О, пегестаньте, мисс, — отмахнулся он. — Гаф ведь не згя именно меня наделил полномочиями, в числе котогых выбивать долги из пагтнёгов его светлости. Мне не газ отгезали голову, гуки, ноги, пытались утопить. Даже в выгтебную яму заталкивали. Так что кульбит в стену лавки бесценной Магнолии меня не особенно впечатлил. О, не волнуйтесь, — зомби совершенно искренне рассмеялся, наблюдая мой шок. — Мне ни гогачо, ни холодно от всего этого. Я ведь ничего не чувствую с тех пог, как моя пгелестная жена. Ах, впгочем, не будем вогошить пгошлое. Гафу выгодно иметь на службе, полной гиска и опасности, столь неуязвимого помощника. Меня ведь даже не нужно когмить.

Поверить в то, что я слышала и принять это было нелегко. Но я пыталась. Честно.

В это самое время Роже принёс последнюю партию урн.

— Ставьте туда, месье, — велел ему зомби, указывая в дальний, плохо освещённый угол и не переставая отмахиваться от стайки мух. — Только постагайтесь ничего не уго-

нить. У нас там своего года покойница.

— В смысле? — опешила я. Роже напрягся.

— В том смысле, что в тех угнах уже имеется пгах. Пгосто его по газным пгичинам не забгали в своё вгемя. И тепегь настал сгок утилизации. Эти несколько угн мы очистим и используем пгвтогно.

«Бизнес есть бизнес» — закончила я мысленно. Ну а чего добру пропадать?

Роже прошёл, куда было велено, и стал осторожно расставлять изделия на полке.

— Позвольте ещё вопрос, месье Плюраль, — обратилась я к зомби. — Если граф не лишён ни титула, ни прав на землю, зачем он открыл ритуальное агентство? Ему не хватало средств?

Жорес улыбнулся.

— Для души, мисс. И только для души. Хоть пгинято считать, что у таких, как ггаф она отсутствует. Не вегьте. Его Светлость чуток к пгоблемам и нуждам своих подданных, а в мгачных глубинах его сущности теплится свет.

На этих словах раздался грохот. Что-то стукнуло, покати-лось, а потом грохнуло, разбиваясь об пол.

Мы посмотрели туда, где растерянный, испуганный и бледный Роже глядел себе под ноги на осколки урны вперемешку с пеплом.

— Там кто-то есть, — сказал он. — Со мной кто-то говорил!

Глава 5

Зомби просканировал парня взглядом снизу вверх, после чего сказал довольно равнодушно:

— У нас и не такое бывает. Поэтому я и пгедупгеждал вас быть остогожнее, молодой человек.

Я же заявила как можно более твёрдо:

— Мы всё компенсируем, месье Плюраль.

— Что ж, пгятно иметь дело с ответственным подгядчиком. Но ничего не нужно, мисс. Это совсем небольшая потегя.

Поблагодарив его за великодушие, я недоумённо покосилась на Роже. Парень был сам не свой, и мне не терпелось узнать, что за чертовщина с ним приключилась. Но до этого требовалось получить деньги за заказ. И как только Жорес отсчитал нам нужную сумму, мы распрощались и заспешили к телеге.

Лошадь успокоилась, лишь когда отъехала на полсотни метров от ворот замка. Тогда же я спросила:

— Ты как?

Роже всё ещё был бледен. А дрожь его рук бросалась в глаза.

— Нормально, — ответил парень не слишком искренне.

— Ты сказал, что с тобой говорили.

Роже выдержал паузу, не спеша с ответом и подбирая сло-

ва.

— Не знаю, Катрин. Я ничего не понимаю. Когда я коснулся урны, чтобы подвинуть её и свою поставить, услышал голос. Это был голос женщины. Да, именно женщины. Со всем старой. Она сказала: «Опять расшумелись. Не дают покоя даже после смерти». Я клянусь вам, Катрин, что так оно и было! Я не сошёл с ума! И урну разбил не нарочно!

— Я верю тебе, дорогой, — сказала и сжала его ладонь в своей. — Ты только не волнуйся.

Всю дорогу до дома мы проделали в задумчивом безмолвии. И как бы я ни старалась по прибытии упростить выражение лица, Пауль заметил моё состояние. В момент, когда я протирала перед отходом ко сну гончарный круг от остатков глины, он вошёл в мастерскую и заявил:

— Мне известно, что произошло в замке графа сегодня, — дождавшись моего напряжённого взгляда, старик продолжил. — Роже мне всё рассказал.

Пауль присел на табурет у стены и махнул мне, чтобы тоже садилась.

— Дело в том, что Роже — сын моей многострадальной сестры — некромант.

Я даже тряпку выронила от внезапной новости.

— Но ведь вы сами говорили, что простолюдины не могут быть магами.

— Простолюдины, нет, — подтвердил Пауль. — Но Роже не так прост, как кажется. Двадцать семь лет назад Клара

служила в доме у одного господина кухаркой. Он был вдовец, бездетный. И как я понял из разговоров с сестрой, жена его умерла очень молодой во время первых и единственных своих родов. Вместе с ней умер и ребёнок. Тот человек сильно горевал, и всё это время вокруг него крутилась его матушка, жалея сына и поощряя его замкнутый образ жизни. Мать, Клара и небольшой штат прислуги были единственным обществом молодого человека. И вскоре он стал всё больше заговаривать с моей сестрой, если случайно встречал её в коридоре, потом начал заходить к ней на кухню, а вскоре Карла поняла, что беременна. Тот человек не желал отказываться от неё. По словам сестры, он ожил, осознав, что счастье ещё возможно в его судьбе. Его нисколько не беспокоили ни разница положений, ни мнение высшего света насчёт этой порочной связи. Он даже готов был жениться на Кларе и поселить её в одном из своих имений. Но им помешали. Когда мужчина уехал в предполагаемый будущий дом возлюбленной, чтобы раздать поручения слугам, его мать, наняв в соседней деревне крепких парней, выгнала Клару. И та пришла ко мне растерянная и заплаканная. Женщина наговорила ей столько гадостей, пророчила расправу, если вздумает вернуться и испортить жизнь её сыну. Клара сдалась и больше не искала встреч с человеком, которого полюбила. Вскоре мы уехали. Долго ещё скитались по миру после рождения моего племянника. Клара боялась за него, боялась, что их отыщут. И нигде мы надолго не задерживались.

Я с минуту молчала, ударенная в голову новым открытием. Затем спросила:

— Роже знает?

— Нет. Я не говорил ему. Клара взяла с меня клятву в день своей смерти, что я сохраню их тайну. Роже тогда только-только исполнилось десять лет.

— А этот человек, как его зовут?

— Марлон Тиас. Титула его я не помню, а вот имя запомнил хорошо.

— Он не пытался искать Клару?

— Возможно. Это мне неизвестно. Но что-то подсказывает, мамаша наговорила ему тогда столько гадостей, так очернила мою сестру, что я не удивлюсь, если месье Тиас остыл к ней. А возможно, даже возненавидел. Но до меня доходили слухи, что он всё же женился на знатной. Видимо, родственница подсуежилась. И у него есть дочь.

Я медленно кивала его словам. Но когда меня осенило, спросила:

— То есть получается, что в роду этих Тиасов есть некроманты?

— Определённо.

— И дар передался Роже?

— Судя по всему.

— Но ведь он не умеет им управлять. Несчастный каждый раз пугается. Он говорил вам, что видит тени?

Старик кивнул.

— Ему ничем не помочь, Катрин. Роже ни в одну магическую академию не примут. Он ведь не аристократ.

Можно подумать, лорд с магическими способностями впервые сделал ребёнка служанке. Наверняка таких, как он предостаточно. А из-за их положения на несчастных махнули рукой.

— Это всё неправильно, — проговорила я с отчаянием.

— Неправильно будет заявлять о том, что вы узнали, во всеуслышание, — сказал Пауль проникновенно, заглядывая мне в глаза. — Некроманты вне закона теперь. Их сажают в тюрьмы и не выпускают. Никто не знает, что происходит с этими несчастными в застенках, Катрин. И я очень не хочу, чтобы мой племянник присоединился к их числу. Прошу, не рассказывайте о нём никому.

Я понимала всё это. А потому заверила старика, что не стану болтать попусту.

Но кое-что всё же не давало мне покоя.

Было бы довольно эгоистично с моей стороны просить у Роже помощи, зная, насколько шатко его положение и велики риски быть разоблачённым. Но мне требовалось выйти на связь с мамой Катрин. А парень, судя по всему, мог это сделать, не прибегая к сложным ритуалам и заклинаниям. Вот что значит, потомственный маг.

Попросить его об этом я не собралась. Да и понятия не имела, где расположена могила матери. Поэтому, решив отложить выяснение, я попыталась думать о чём-нибудь дру-

гом. Благо уже на следующий день меня ожидали во дворце на праздновании дня рождения королевы.

— Ай! — крикнула я, когда Флора больно потянула меня за волосы, колдуя над причёской.

— Терпи, — потребовала она. — Сейчас мы из тебя такой цветок сделаем, что достойнейшие в очередь выстроятся. Считай, ты уже отдала всю себя и ничего тебе не грозит.

— Как у тебя всё легко! — простонала я, не в силах унять предательские слёзы. Голове было больно.

— Возьми с собой пару горшков, — проводила Флора. — Для закусок и пирожных. Нам тоже хочется попробовать лакомства с королевского стола.

— Прекрати, — подала голос Магнолия, которая всё это время задумчиво разглядывала платье. — Ты хочешь, чтобы Катрин весь вечер с этими горшками проходила? Достойнейший, боюсь, не оценит. Нет, такие платья никуда не годятся. Хоть бы одно чёрное положили. Беспроигрышный цвет и подходит ко всему.

— В чёрном во дворец?! — ахнула Флора и перестала меня чесать. — Ты подумала, какое впечатление она создаст? Забыла ту историю?

Женщины переглянулись. Я же с интересом уставилась на Флору.

— Какую историю? — спросила осторожно.

— Ты не знаешь? — удивилась Флора.

— Конечно, не знает. Она ведь тогда была совсем кро-

ха, — проговорила Магнолия, поджав губы. По всему видно было, что говорить она не хочет. — Давно это было. Та, о ком нельзя упоминать, уже была в изгнании. А во дворце точно так же праздновали день рождения королевы Паолы. Её первый день рождения в стенах дворца, в роли супруги правителя. Все радовались и танцевали, как вдруг прогремел гром, посреди зала выросло чёрное облако, и из него вышла ведьма. И хоть за её голову обещали немислимые деньги, никто не осмелился приблизиться. Тогда она подошла к королю и королеве, сидевшим рядом во главе торжества, и сказала: «Забирая самое дорогое у женщины, король Август, помни, что за всё приходится платить. Я проклиная тебя и твою жену».

В комнате повисла тишина. Нарушила её Флора:

— Мы тебе ничего не рассказывали, Катрин. Договорились?

Магнолия опомнилась.

— Да-да, я сболтнула лишнего. Прошу меня простить. А теперь рот на замок, и больше мы эту тему не поднимаем.

Оставшееся до заветного часа время обе щебетали, обсуждая мои платья, украшения, раздавая советы касательно обольщения придворных и способы избежать расправы от армии ревнивых барышень, которые обязательно появятся, ведь я само очарование.

Слушая их, я отшучивалась, но не могла избавиться от навязчивой мысли. Что-то не так во всей этой истории с той,

о ком нельзя говорить.

Кто она? Почему наслала проклятие? И что именно забрал у неё король, которого она наказала? Вопросы одолевали меня. И как бы я ни старалась, не думать обо всех этих странностях было выше моих сил.

Голос Флоры вынудил вернуться в реальность.

— Духи! — она даже всхлипнула. — Дитя, ты обворожительна! — Если заночуешь неизвестно, где и неизвестно, с кем, мы не станем осуждать. Оторвись там по полной.

Я чуть не рассмеялась. А Магнолия, что стояла перед зеркалом по другую руку от меня, недовольно закатила глаза.

— Не слушай её, дорогая, — сказала она, глядя на моё отражение. — Будь осторожна. При дворе много интриг и опасностей. Никому не доверяй и внимательно смотри по сторонам. Знать — это особый род людей. Часто то, что они говорят, не сходится с их делами, а внешний блеск скрывает внутреннюю гниlostную природу этих людей. Власть, высокое положение, вседозволенность мало кому идут на пользу, разрушая личность. Помни об этом.

Я едва заметно кивнула ей и переместила взгляд на собственное отражение.

Передо мной стояла Катрин. Но не та, какую я привыкла видеть ежедневно в зеркале. Больше не было застиранного сарафана, фартука, перепачканного глиной, волос, наскоро убранных лентой или платком. Девушку в длинном до пола бело-голубом платье, которую я видела, нелегко было узнать

с первого взгляда, но очарование её ослепляло. Мне даже захотелось отпороть пару бантиков от платья, убрать диадему и перчатки, чтобы образ упростить. Но подруги остановили.

Обещанный экипаж подъехал, как и было условлено. И когда вышколенный лакей помог мне забраться в салон, а сам вернулся на запятки, я отправилась во дворец.

Глава 6

Как только коляска миновала площадь, возница свернул, и мы покатали там, где я ещё не бывала. Но разглядеть новую улицу с симпатичными деревянными домиками, соединёнными между собой узкими переулками, не успела, потому что вскоре экипаж въехал в парк.

Место оказалось ухоженным, совсем не диким и напоминало Александровский сад в Царском селе.

Тут и там тянулись аллеи аккуратно подстриженных деревьев, поодаль цвели жёлтые и синие цветы. Имелись беседки, уютно устроившиеся под навесами из веток. А также лабиринты кустов, подстриженных идеальной геометрией, и гипсовые изваяния, стыдливо прикрывающие искусственную наготу.

Я ахнула, когда прямо над каретой пролетела ярко-оранжевая птица, оставляя за собой светящуюся дорожку искр. Покружив в воздухе, она опустилась на ровную гладь искусственного пруда, где плавала такая же птица.

Рыжих лебедей я ещё ни разу в своей жизни не видела. А потому словно дитя малое, прижалась лицом и ладонями к стеклу, не в силах сдержать любопытства и восторга. К счастью, никто не видел меня, и я без особого смущения позволяла себе эти эмоции.

Птиц здесь было куда больше, чем людей, что прогулива-

лись в направлении дворца. Пернатые восседали в кронах деревьев, кто помельче прыгали в траве, а другие, словно важные павлины или фламинго чинно вышагивали меж кустов.

Расцветка у всех была диковинная, как и форма клюва. А некоторые птицы и впрямь светились, поблёскивая крыльями, хвостиками и хохолками.

Карета повернула и в ту же минуту остановилась у высокой кованой калитки, за которой открывался вид на дворец, величественный и необъятный, как все дворцы. Он был прекрасен. Но меня почему-то не особенно впечатляли ни размах инженерной мысли умелого строителя, ни многочисленные витражи. Я смотрела на птиц. Они кружили вокруг острых шпилей, садились на крыши и карнизы и пели. Но то был не птичий базар в привычном смысле, когда все галдят наперебой. Пернатые будто стройный хор, чьё мастерство отточил неизвестный мастер, напевали заунывную, негромкую песню, в которой имелся ритм и вместе с ним какое-то щемящее чувство. Птицы будто оплакивали потерю.

Забыв обо всём, я покинула карету и направилась к ним сквозь калитку, которая сама собой отворилась передо мной. Хотелось стать ближе к удивительной музыке, впустить в себя эти звуки, раствориться в них.

Несколько красных пернатых молний пролетели прямо над моей головой и словно фейерверк или асы высшего пилотажа синхронно разделились и веером разлетелись в стороны, осыпая всё вокруг искрами. Сдерживаться больше не

было сил. И как ребёнок я запрыгала на месте, хлопая в ладони и хохоча.

Какие же удивительные эти птицы!

Не сразу поняла, что люди вокруг замедлили шаг и смотрят на меня с плохо скрываемым недоумением. Да они и не пытались его скрыть. Чёрт, стоило всё-таки скромнее себя вести.

— Похоже, что птицы рады тебе, Катрин, — проговорил кто-то. И повернув голову, я увидела Дамиана. Он единственный не выказывал изумления и приближался как ни в чём не бывало. Весь такой с иголочки, в белом кителе с погонами и неизвестными мне знаками отличия, закреплёнными на широкой золотой ленте поперёк груди. Начищенные сапоги отражали солнечный свет, а вечно взъерошенные, непослушные вихры настолько идеально лежали на голове волосок к волоску, что мне потребовалось несколько мучительных секунд, чтобы узнать инквизитора.

— Они даже поют сегодня не так грустно, как всегда, — продолжил он. — Ты творишь чудеса.

Я испытала облегчение, встретив знакомое лицо. И едва не расплылась в счастливой улыбке. Но следовало хоть немного держать себя в руках, чтобы уж окончательно не осрамиться перед вельможами.

— Командор, — я присела и подала руку, как научила меня Флора.

Не отводя от моего лица глаз, Дамиан легко обхватил мои

пальцы и коснулся их губами.

— Я считал, мы закончили с церемониями, — сказал он, понизив голос.

Забрав у него руку, я ответила с улыбкой:

— Что не отменяет субординации, месье Сорель.

Рядом с этим человеком я испытывала трепет. Объяснить это только лишь опасением перед кандалами и карцером не выходило. Возможно, это потому, что близость Дамиана странным образом манила. И мне не хотелось расставаться с ним.

— Ты прекрасна, — неожиданно сказал он. — Боюсь, на столь лакомый кусочек слетится много коршунов, и мне одному будет не справиться с ними.

Нет, если так будет дальше продолжаться, я до королевы не дойду. Убегу домой. И откуда во мне столько ребячества и стеснения взялось? В мои-то годы!

Я не ответила, желая во что бы то ни стало сменить тему. Поравнявшись с мужчиной и поправив платье, которое этого вовсе не требовало, я вспомнила кое о чём и проговорила, ощущая изучающий взгляд и стараясь не поддаваться головокружению.

— Я так и не поблагодарила тебя тогда. Спасибо за лошадь, Дамиан. Ты очень нас выручил. Надеюсь, те люди не доставили тебе проблем?

— Ардааны? — переспросил он. — Ну что ты. Они безобидны, несмотря на кинжалы и дубинки. На чужой земле

эти люди действуют осторожно.

— Не думаю, что мне они бы вернули имущество. Сильный мужчина, облечённый властью. К тому же маг. Тягаться с таким, как ты себе дороже.

— Точно, — кивнул Дамиан. — Вот только некоторых прелестных барышень это не останавливает.

Я пожалела, что у меня нет веера. Стало вдруг невыносимо жарко.

— Зачем ты это делаешь? — спросила я недовольно.

— Что именно?

— Смущаешь меня.

Дамиан долго не отвечал. Пришлось остановиться и многозначительно впериться в него взглядом. Выражение лица мужчины озадачило.

— Это очень плохо, — сказал он наконец.

— Ты о чём?

— О том, что придворные станут пытаться тебя соблазнить. И в ход пойдут самые низкие приёмчики. Пойдём-ка со мной.

Меня схватили вдруг за руку и потащили к кустам. К тем самым, которые составляли лабиринт. Я чуть о тукана не споткнулась. Или кто это был? И как только успела подумать, почему дар не пытается меня защитить от мужика, нацеленного на совместные кусты со мной, Дамиан втянул меня в довольно тесное пространство и, развернув, прижал спиной к живой изгороди.

Наши лица, да и не только они, оказались так близко, что я перестала дышать. А когда взгляд синих глаз медленно сполз от лица к декольте, сделалось страшно.

— Я очарован тобой с нашей первой встречи, Катрин, — проговорил мужчина, тяжело дыша и уже блуждая руками по моей спине, обтянутой корсетом. — Когда ты рядом, я с трудом держусь, чтобы не затащить тебя в укромное место, где тебе было бы не скрыться от моих поцелуев. Боготворить тебя, обожать, ласкать и любить, насколько хватит сил — вот единственная достойная мужчины цель. И я горю лишь одним желанием, чтобы ты доверилась мне.

Он стал медленно склоняться к моей шее, и пока я пребывала в откровенном шоке, успел оставить обжигающий поцелуй на покрытой мурашками коже.

Ещё и ещё, всё ниже. Опомнилась я уже на четвёртом прикосновении тёплых, влажных губ и твёрдо осознала, что не желаю, чтобы мужчина останавливался.

Но так ведь неправильно!

— Да-да-дамиан? — позвала я и, обхватив инквизитора за плечи, попыталась его отстранить. — Ты, того, забываешься, — пропищала нерешительно. — Мне льстит твоё признание, но боюсь, если не остановишься, придётся тебя ударить или позвать на помощь.

Последние слова я говорила, чуть не плача. Потому что инквизитор целовал уже моё плечо и спускался к ключице. Не знаю, что именно я бы сделала, не сумей он остановить-

ся. Но мужчина замер вдруг и отпрянул. А во взгляде его не осталось ни намёка на прежнее вожеление. Он недовольно поджал губы.

— Никуда не годится, — сказал Дамиан, наблюдая мою растерянность. — Так ты долго не продержишься. Не нужно ставить условий и обнадеживать их, Катрин. Нужно бить. Сразу. Наотмаш. Потому что ни одно серьёзное намерение со стороны мужчины не начинается в кружевной тени деревьев или в другом месте, где можно скрыться от посторонних глаз. И я надеюсь, что легкомыслие, которым ты грешишь, вызвано лишь твоей наивной влюблённостью. И с другими ты будешь сдержаннее в проявлении чувств.

Что, блин?

Дамиан смотрел на меня теперь, как мог бы смотреть учитель на безнадежную двоечницу. А я с ужасом осознала, что именно он имел в виду.

— Подожди, — я выставила вперед палец и сделала глубокий вдох. — То есть сейчас это ты меня так проверял, отдамся я тебе в кустах или отобью самое дорогое? Да ты вообще чего себе позволяешь?! И о какой влюблённости ты смеешь говорить?!

— О твоей влюблённости в мою скромную персону, Катрин. И не нужно этого отрицать. Я хорошо умею считывать невербальные сигналы.

Дамиан говорил с лёгкой издевательской улыбкой. Будто знал всё наверняка. И это так разозлило меня, что я не успела

подумать, прежде чем рука моя отвесила глухую пощёчину мужчине, что стоял напротив.

Ладонь обожгло. И даже запястье заныло. Но дело было сделано.

Тряхнув головой, мужчина коснулся щеки и недовольно на меня посмотрел.

— Поубавь самомнение, начальник, — прошипела я, приподнимая подол платья, чтобы поскорее выбраться из лабиринта. — Ты всего лишь один из немногих в этом чёртовом королевстве, кому есть дело до моих неприятностей. Я действительно наивная дура, потому что решила, что ты желаешь помочь и ничего не ждёшь взамен. Но я ошиблась. И с этой минуты не желаю больше тебя знать, Дамиан Сорель!

Развернувшись, я кинулась прочь из лабиринта. Но прилетевшие мне в спину слова всё же услышала:

— Что и требовалось доказать.

Глава 7

Невыносимый! Какой же невыносимый тип этот Дамиан Сорель! И почему магия эта чёртова спит, когда она так нужна и когда я вся горю от непреодолимого желания зашвырнуть инквизитора так далеко, чтобы он оттуда никогда не выбрался?! Похоже я пересидела лишнего за кругом, и весь стресс улетучился. Но злоба в моменте не отпускает. Так что же?

Резко остановилась, прислушиваясь к ощущениям. В груди тепло, но не жжёт. Руки слегка покалывает, будто затекли немного. Что ж, ладно. Может это к лучшему, и сегодня я не умру от передозировки магии в крови.

— Катрин? — позвали меня, и я резко обернулась, готовая драться. За спиной стояла Версалия Денон и несмотря на свой низкий рост, высокомерно смотрела на меня. Когда сводная сестрица щёлкнула веером, женщины, что выглядывали из-за её плеч, разом сделали то же самое. Вообще, дамы эти меня озадачили, потому что выглядели настолько одинаково в своих нарядах цвета пепельной розы, что всерьёз можно было решить, будто это пять сестёр, вышедшие разом из чрева одной матери.

— Подбираешься ко двору, сестрица? — Версалия начала обходить меня, а подружки её захихикали.

— Не стала бы, — ответила я. — Если б одна нерадивая

первая фрейлина не отправила другую среди ночи на верную смерть.

Версалия остановилась. Подружки её бросились переглядываться и возмущённо шептаться. Как только первая фрейлина отставила руку, пресекая болтовню, всё затихло.

— Что ты сказала? — процедила сквозь зубы сестрица.

— Я сказала, — бесстрашно продолжила я, — что очень странно видеть тебя здесь после всего. Подвергнуть опасности жизнь невесты подполковника. Тут где-то командор Сорель пробегал. Надо найти его и спросить, почему тебя до сих пор не отправили в карцер. Дело с покушением на Марион явно нечисто.

Даже сквозь толстый слой белил видно было, как покраснели щёки Версалии.

— Ах ты дрянь безродная! — прошипела она. — Да как ты смеешь?!

Тепло в груди начало обжигать. А кое-кто из сопровождения фрейлины испуганно отпрянул, завидев искры. Не дожидаясь, когда Версалия их заметит, я железной хваткой сковала её запястье и притянула к себе нахалку, которая тут же глухо взвыла.

— Я знаю, Денон, что тебе всё известно про меня. Читала письма, которые ты так неосторожно решила на днях выкрасть. Ваш с папашей план не удался, и теперь ты затеяла новую игру. Но не стоит расслабляться. Вряд ли у тебя хоть что-нибудь получится, потому что теперь я буду следить за

тобой.

— Пусти, — простонала она, опадая на землю, тогда как рука фрейлины под моими пальцами задымилась. Я брезгливо отбросила её от себя, после чего женщина чуть не упала.

Её подружки, из тех, что ещё не разбежались, охали, ахали. А когда увидели дым, завизжали. Сорвав с руки почерневшую, некогда белую перчатку, Версалия по-звериному на меня уставилась.

— Ты за всё ответишь, стерва! — раздалась в мой адрес вполне ожидаемая угроза. — Уничтожу!

Не дожидаясь ответа, она выпрямилась вдруг и как заорёт:

— Спасите! — драла глотку фрейлина. — Убивают! Меня убивают!

Я опешила, не зная, как действовать. На нас уже смотрело с любопытством около дюжины прибывших на праздник вельмож. Осознав, что добилась эффекта, Версалия заголосила ещё громче, а со стороны её свиты слышались возгласы поддержки.

Я ждала худшего. Что сейчас меня арестуют, и я снова окажусь в инквизиции. Ведь нападение на графиню не шутка. А я напала на неё. Вон, перчатку испортила и ожог на руке оставила. Нет, всё-таки не умею я силы контролировать. Это факт.

В момент, когда я увидела приближающегося Дамиана, случилось то, чего не ожидал, наверное, никто. Рыжие молнии, одна, вторая, третья пронеслись прямо над нашими го-

ловами и, сделав круг в воздухе, вошли в штопор, а затем полетели вниз, прямо на сложносочинённую конструкцию парика на голове Версалии. Достигнув цели, они принялись драть его клювами, вырывать украшения, расплестать локоны, и не прошло минуты, как нелепая конструкция свалилась с головы фрейлины в пыль, обнажив её жиденькие, бесцветные волосишки.

Свидетели дружно ахнули. Кто-то даже засмеялся, тогда как Версалия, прикрываясь от клювов, с визгом неслась к крыльцу, преследуемая стаей.

Удивительно, но эти птицы мне помогли. И мысленно я благодарила их.

Не сразу увидела, что и моя перчатка пострадала. Пришлось стянуть обе, нарушив этикет. В тот день в перчатках были все: и мужчины, и женщины.

Кто-то подошёл ко мне совсем близко и остановился за спиной. Будучи уверена, что это Дамиан, я тяжело вздохнула и спросила:

— Арестовывать станешь, начальник?

— Простите? — голос явно принадлежал не инквизитору. И обернувшись, я увидела светловолосого мужчину в такой же как у других офицеров светлой форме с золотыми погонами. На миг стало почему-то грустно. Чего бы ни происходило между мной и Дамианом, я предпочла бы увидеть в ту минуту его.

— Здравствуйте, Элиас, — поприветствовала я подпол-

ковника и улыбнулась ему. — Простите, я вас за другого человека приняла.

— С вами всё хорошо? — спросил мужчина обеспокоенно. — Я видел, что вас донимала эта змея Версалия Денон. Надеюсь, она не испортила вам настроение?

— Ну что вы. Как раз наоборот. Её встреча с птицами всех здесь повеселила. Вы не подскажете, что это за удивительные создания? Я таких больше нигде не видела. Только здесь.

Мужчина подал мне руку и, обхватив её, я продолжила вместе с ним путь к дворцу.

— Этих птиц вы никогда не встретите в городе. Они плод соединения магии воздуха и сил земли. Порождение союза, который в своё время распался, потому что изначально был ошибкой.

— Ошибкой?

Мужчина вздохнул и грустно посмотрел на меня.

— Часто влюблённые так увлечены чувством, что не осознают последствий своего выбора. Вот и король Август до встречи с королевой поддался этому колдовству, едва не разрушив всё, что с таким трудом строили его предки. Он полюбил женщину. Точнее, думал, что полюбил. И в подтверждение намерений связать жизнь с возлюбленной провёл ритуал объединения стихий. Тогда возникли эти птицы.

— Но что-то пошло не так, — продолжила я, понимая, что история не досказана.

— Именно. И теперь та, о ком нельзя говорить, разрушает

жизнь короля, королевы и всего королевства.

Так значит, та, о ком не говорят, была возлюбленной Августа. Точнее, околдовала его, но чары рассеялись и её изгнали, и она по этому поводу не может успокоиться. Пользуясь случаем, решила докопаться:

— Да, я много чего слышала. Как её шайка девушку похитила, как казну королевскую ограбили. Ужасные. Ужасные люди.

— Это ещё что, — подхватил мою удочку Элиас. — Сколько раз командование отправляло к лесу вооружённых солдат и сильных магов. Но добраться до бандитов никто так и не смог. У них очень сильная защита. Ведьма защищает их. Говорят, в лесу они совсем одичали, предаются оргиям и летают на диких драконах.

— И много их там?

— Достаточно. Ведьме удалось приворожить одного из военных командиров, и тот помог ей сбежать в день казни. Позже у неё появились и другие союзники.

— И теперь небольшая группа одичавших партизан легко противостоит целой армии Его Величества? — спросила я, стараясь не сильно плевать сарказмом. — Я, конечно, не военный стратег, но почему бы не оставить их в покое? Пусть себе летают на драконах?

— Вы не понимаете! — Элиас остановился и с горячностью сжал мою руку, заглядывая в глаза. — Эта женщина забирает жизнь из короля Августа. Наверняка вы знаете, что

она явилась на бал накануне свадьбы короля и королевы и прокляла обоих. Теперь только смерть этой ведьмы вернёт несчастного к жизни.

Я смотрела в светлые глаза, в красивое лицо, ощущала руки, сжимавшие мои, и меня не покидало странное ощущение. Будто мне чего-то недоговаривают.

— Как жаль, — сказала я. — Наверное, королева тоже плоха. Ведь и её ведьма прокляла.

На миг в лице Элиаса промелькнуло нечто сродни гневной гримасе. Но, может быть, мне показалось?

— Королева здорова, — сказал он.

— Замечательно. Значит, на неё проклятие не подействовало. Хвала небесам. Вот только птицы...

— Что, птицы?

— Они поют такую грустную песню. Будто тоскуют по кому-то.

Элиас тяжело вздохнул. Похоже, разговор его нервировал, и подполковник многократно пожалел, что завязал его со мной. Оставалось только надеяться, что диалоги на запретную тему не создадут нам обоим проблем.

Он улыбнулся.

— Пойдёмте, Катрин. Скоро начнётся праздник.

Мы больше не говорили ни о ведьме, ни о проклятиях. Сменив тему, я искренне поблагодарила Элиаса за подарок. А когда подполковник узнал, что я повредила перчатку, он распорядился, чтобы мне принесли новую пару.

Он оказался лёгким в общении. И вскоре я была не против, чтобы Элиас меня сопровождал и стал на один вечер моим кавалером. Оказалось, что Марион в такие дни неотступно присутствовала подле королевы, а потому нам не пришлось делить её жениха.

Убранство дворца впечатляло не меньше, чем его величественный фасад. Высокие потолки с живописными фресками, застеленные бархатом широкие лестницы, громадные окна и портьеры сложной драпировки.

Лакеи кланялись нам, указывая путь, потому что заблудиться во всех этих поворотах и переходах было несложно, а я с интересом рассматривала портреты, коих много присутствовало здесь на протяжении всего пути. Вереница королей, королев, принцев и принцесс всех эпох преследовала меня при переходе из одного зала в другой. Когда же процессия гостей остановилась напротив высоких, стрельчатых, золотых дверей, мой взгляд невольно упал на портрет, висевший на боковой стене. Размерами полотно не уступало картине Брюллова «Последний день Помпеи» из Русского музея, а изображены на ней были мужчина и женщина — широкоплечий, привлекательный блондин и худосочная брюнетка с глазами слегка навывкате. На вид ему было лет сорок, а ей не больше двадцати. Контраста паре добавляла не только комплекция. Девушка была одета в тёмное платье, насыщенного оттенка синего. А мужчина в расшитый золотыми нитями светлый камзол и светлые брюки. И как бы представительно

они ни выглядели, эти двое ужасно нелепо смотрелись вместе, отчего не глазеть на них было выше моих сил. С трудом сдержала смехок.

Я вздрогнула, когда в тишине коридора, разбавленной шепотками прибывших гостей, раздался зычный голос лакея:

— Король Август и королева Паола!

Двери стали медленно отворяться. И каково же было моё удивление, когда на троне я увидела ту самую парочку!

Да, они были старше, чем те, с полотна. Но сомнений не оставалось. О боже, а я ведь только что чуть не позволила себе посмеяться над ними. Хочется верить, здесь за такое не казнят.

— Всё в порядке? — спросил Элиас, склонившись ко мне, когда я отняла, наконец, ладонь от лица.

Я лишь кивнула и похлопала его по плечу.

Глава 8

Гости стали кто по одному, кто по двое подходить к монаршей семье и кланяться им, выражая восхищение королевой и поздравляя её. Ещё более тощая, чем на картине, Паола кивала, улыбалась, отвечала людям, но король вёл себя странно. Я помнила, что на него наложено какое-то ужасное проклятие, и ждала, что он, возможно, даже не выйдет к гостям. Но Август был здесь, сидел на своём троне и словно архаическая статуя египетского фараона, не двигался, сложив на коленях руки. Он вообще не шевелился, а безучастное лицо его не выражало мимики. К моменту, когда очередь дошла до нас с Элиасом, я всерьёз решила, что король в буквальном смысле превращён в статую и лучше на него лишний раз не смотреть, чтобы избежать неловкости.

— Ваше Величество, — заговорил подполковник, кланясь королеве, — позвольте представить вам Катрин Бежон. Это она та самая девушка, что спасла вашу фрейлину и мою невесту Марион.

Я видела Марион. Та стояла немного в стороне, и когда я взглянула на неё, весело мне улыбнулась. Ей в отличие от Версалии белое платье с кружевом и высокая причёска в стиле Марии-Антуанетты шли необычайно.

— Рада приветствовать вас, мисс Бежон, — проговорила королева, горделиво приподнимая подбородок и глядя на

меня сверху вниз. — В наши дни большая редкость, чтобы женщины помогали друг другу. Хотя скорее это потому, что при дворе я привыкла к тому лишь, что эти змеи только и ищут удобного случая ужалить друг друга побольнее.

Придворные, что сгруппировались по обе стороны от короля и королевы, сдержанно засмеялись. Среди них была и Версалия, успевшая на удивление стремительно привести себя в порядок и отыскать новый парик.

Скривив губы в подобие улыбки, сестрица злобно косилась на меня.

А я всё же повернулась к королю.

Тот смотрел перед собой остекленевшим, безжизненным взглядом. Мне стало вдруг так жаль его. Но что можно было сделать? Проклятие снять могла лишь та, о ком нельзя упоминать. Любила ли она его или и впрямь заколдовала? А он? Что чувствовал тогда и что испытывает теперь? Может быть, где-то в глубине души, из которой выпили жизненную силу, ещё теплится надежда всё изменить?

— Ваше Величество, — произнесла я и склонилась почтительно.

Шум в зале разом утих, но следом я расслышала едва уловимое мычание, а когда подняла голову, поняла, что король смотрит на меня, а в глазах, прежде совершенно пустых, рождается вопрос.

Меня подхватили под руку.

— Прошу прощения, Ваше Величество, — проговорил

Элиас. — Это моя оплошность. Я не предупредил мисс Бейжон.

Королева недовольно кивнула, тогда как подполковник настойчиво повёл меня прочь от августейших особ. Туда, где приглашённые толпились возле богато обставленных столов для фуршета.

— О чём вы не предупредили меня? — тихо спросила я Элиаса, ощущая, как тот напряжён.

Мужчина молчал. И лишь когда мимо нас пробежал лакей, технично снял с его подноса пару фужеров и протянул один мне.

— Всё хорошо, — сказал он. — Не переживайте. Просто короля Августа нельзя беспокоить. Он может начать нервничать.

— И что тогда будет?

— Что угодно. Ведь он сильный воздушный маг. А когда такая сила выходит из-под контроля потому, что обладатель не в ладах с рассудком, случиться может всякое.

Я смочила напитком губы.

— Но зачем его привели сюда? — спросила, озадаченно косясь на монарха. — Могли бы оставить под присмотром сиделки, чтобы не рисковать лишний раз.

— Таков протокол. Люди должны видеть короля живым. Иначе возникнут вопросы.

Вопросы. Вот их имелось предостаточно. Что за проклятие наложено на короля, и кто правит вместо него? Но меня

по-хорошему, подобное не касалось. Хотя и вызывало жгучий интерес.

Элиас улыбнулся.

— Катрин, — проговорил он, обнимая меня за плечо. — Мне нужно отойти ненадолго. Но я скоро вернусь. Угощайся, бери, что хочешь, только не советую слишком налегать на закуски. Ведь сейчас будут танцы.

Он подмигнул. А я едва не поперхнулась.

— Я не знаю танцев, — проговорила испуганно. — Меня не обучали.

— Всё будет хорошо, — заверил Элиас. — Если позволишь, я стану твоим первым кавалером и всё покажу. Это совсем несложно.

Он ушёл, и почти сразу я стала замечать всё больше заинтересованных взглядов в свою сторону. Хотелось скрыться где-нибудь до возвращения подполковника. Но как только я углядела диванчик, удобно спрятанный за занавесью портьеры, меня остановили.

— Какой милый парень, не правда ли? — грудь человека выросла прямо у меня перед носом. В представлении он не нуждался. Я узнала бы этот голос из тысячи.

— Очаровательный, — сухо ответила я, глядя исподлобья на насмешливое лицо Дамиана. — Вот только жаль, несвободен.

Я развернулась и стала отходить в другой конец зала, желая скрыться от наглых глаз. Но инквизитор не отставал.

— Всё может измениться, — сказал он.

Я обернулась.

— Ты о чём?

— Не делай вид, что не понимаешь, Катрин, — Дамиан улыбнулся какой-то женщине в кружевах и упитанной девушке, которая сопровождала ту. Юное создание зарделась, пряча лицо в перьях веера. — Я видел, как ты говорила с Версалией, и догадываюсь, о чём именно был тот разговор. Покушение на фрейлину прямо возле твоего дома, и где-то рядом ненавистная сводная сестра. И вот уже неясно, с какой целью затевалось убийство.

Дамиан озвучил мои мысли. Как и я, он понимал неслучайность событий.

— Ты допрашивал её?

— Кого, Версалию Денон? Допрашивал, конечно. Хотя это пустая трата времени. Эта женщина, как и многие из приближённых к королевской семье, оснащены на такой случай множеством рун и оберегов, которые хранят их тайны и не покажут, врут их обладатели или говорят правду.

— Почему ты не заставил её их снять?! — громким шёпотом спросила я.

Выждав паузу, мужчина склонился к моему уху и прошептал:

— Потому что чаще всего обереги — это заклинания, а руны — рисунки на теле, которые выполняют мастера в самых недоступных местах, какие приличные девушки оголя-

ют, лишь когда соблазнитель добивается желаемого.

Я отвернулась и прочистила горло.

Ясно-понятно. Зря спросила.

— И что же делать? — поинтересовалась, ответив кивком на приветствие высокого, полного мужчины.

— Смотреть по сторонам и никому не доверять. Даже самым очаровательным молодым людям.

Я хмыкнула.

— Ты наговариваешь на Элиаса.

— Неужели? Ну тогда давай вместе подумаем, кому здесь можно доверять. Я ведь обещал помочь тебе с этим.

На меня смотрели теперь снисходительно. Вздёрнув с вызовом подбородок, я ответила:

— Что ж. Давай. К примеру, — выискала в толпе глазами коренастого парня, пришедшего явно в сопровождении матушки. — Вот этот. Что можешь о нём сказать?

Мужчина мне хоть и не кивал, но надо же было с кого-то начать.

— Маркиз Михаэль Ромон, — начал Дамиан, чем напомнил мне сцену из кино про Штирлица. — Тридцать два года, не женат, в связях, порочащих его, замечен не был. Очень привязан к матери и семью заводить не намерен. Женщин попросту боится. Но покорится матушке, если та сделает выбор. Пойдём, представлю тебя ей, и, может быть, тебе повезёт.

Дамиан лучезарно улыбнулся. Шутник, блин.

С трудом удержалась от того, чтобы не засмеяться.

— Лучше я вообще не буду ей на глаза попадаться.

— Как знаешь.

— А что насчёт во-о-он того рыжего с хвостиком? — я указала на высокого мужчину, который выделялся в группе собеседников статью и широтой плеч. Он то и дело на меня поглядывал.

— Жак Жемандон. Глава торговой флотилии Его Величества. Завидный, к слову, жених. Вот только в имении, где он отдыхает после торговых походов, ужасная текучка кадров.

— В смысле?

— Горничные, кухарки, служанки беременеют одна за другой и их всякий раз отсылают куда подальше. Но надо отдать должное Жаку. Он снабжает их всех небольшим содержанием. Честный малый.

— Ну да, — скривилась я. — Всё понятно. Идём дальше.

Я закусила губу, всматриваясь вглубь зала, где дамы и кавалеры окружали королеву. Та мило беседовала с каждым, кто ждал её внимания. Тогда как король, точнее то, что от него осталось, оставался погружён в себя.

— Вот этот, — я указала на смуглого брюнета с бородкой, одетого в коричневый костюм, расшитый золотом.

— О, да ты молодец, — съязвил Дамиан, — у тебя чутьё на породистых. — Сорель продолжил, делая вид, что не замечает моего недовольства, — Абдалла Ибрагим. Министр внешних связей. Знает в совершенстве пятнадцать языков,

умелый дипломат, мастерски играет в шахматы.

— О! Так с ним и поговорить есть, о чём и не соскучишься.

В шахматах я кое-что понимала. Правда, только в привычных мне.

— Конечно. Только тебе ничего не светит, Катрин. В религии, какой придерживается Абдалла, женщина не человек. Она может быть женой, наложницей, но прав у неё ещё меньше, чем у сторожевой собаки. Уверен, девятнадцать жён министра тебе это подтвердят.

У меня челюсть отвисла.

— Девятнадцать? — повторила я беззвучно.

— Именно. Одной не хватает для ровного счёта. Могу познакомить тебя с распорядителем гарема.

— Спасибо, не надо.

Я устало вздохнула. И хоть всё происходящее не получалось воспринимать всерьёз, снова обратилась к Дамиану:

— Послушай, если ты так хорошо всех здесь знаешь, давай ты мне просто покажешь на тех, кто более-менее ничего? Если честно, уже даже внешность меня не особенно волнует. Нам нужен порядочный, добрый, умный, с иммунитетом против чужого мнения и опасного влияния. Титулы и регалии значения не имеют.

Дамиан склонил набок голову и шумно выпустил воздух из ноздрей.

— Боюсь, Катрин, твои запросы слишком высоки. И ни-

кто из присутствующих здесь им не соответствует.

В ответ на его слова кто-то довольно звонко расхохотался за моей спиной.

— Дами у нас такой скромник, — пропел нежный женский голос. — Твоим запросам, детка, всё же соответствует один человек из присутствующих здесь. Но он занят.

Смуглая шатенка в бордовом платье с выдающимся декольте, невероятно длинными ресницами и чрезвычайно пухлыми губами обошла меня. Приблизившись к Дамиану, она запустила пальцы ему в волосы и притянула голову мужчины к своей, засасывая инквизитора в страстный поцелуй.

Глава 9

Меня будто ошпарило.

Я стояла и, не отрывая глаз, смотрела на парочку, ожидая почему-то, что Дамиан станет отбиваться от нахалки. Но какое там. Инквизитор прерываться не спешил. Правда, вскоре опомнился и, положив ладонь на щеку девушки, осторожно её отстранил.

— Когда ты вернулась? — спросил он, вглядываясь в тёмные глаза. — Не ожидал тебя здесь увидеть.

— Сегодня утром, дорогой, — ответила красotka. — И сразу, как была, отправилась на бал поздравить с днём рождения мою дорогую тётушку. Даже переодеться не успела и привести в порядок причёску.

Поверить её словам было непросто. Роскошное платье с золотыми вставками на корсете и сложная конструкция из каштановых локонов, украшенных жемчужными заколками, выглядели совсем свежими. Да и сама девушка, казалось, прекрасно выпавшейся и без тени усталости от длительной дороги.

Карие глаза надменно покосились в мою сторону.

— Позволь представить тебе Катрин, — вновь заговорил Дамиан. — За бесстрашие при спасении фрейлины королевы её удостоили чести присутствовать здесь.

— Да неужели?! — шатенка картинно заулыбалась и скре-

стила ладони. — Вы необычайно везучая особа, Катрин. Уверена, если бы не столь удобное стечение обстоятельств, вам бы вряд ли выпал шанс попасть ко двору.

Чего? Это что за намёки такие? А я ведь сразу поняла — стерва. И ведёт себя так вызывающе, что опять же странно при дворе. Или как раз нормально в случае, если ты королевская племяшка?

Дамиан после этих слов посуровел.

— Я уверен, Женестьева, — начал он, — что мисс Бежон предпочла бы вернуться домой, к своей тихой и спокойной жизни, а не отбиваться от поклонников в этой цитадели распутства.

С трудом удержалась, чтобы не хихикнуть.

— Вы невероятно проникательны, Дамиан, — подхватила я. — Присутствие здесь немного тяготит меня, и если бы не друзья, я бы всерьёз продумывала сейчас план побега. Кстати, с приездом вас, Женестьева. Как погода на южном побережье?

Женщина, которая после слов Дамиана разом потеряла привлекательность и скривила физиономию, ответила недовольно:

— При чём здесь южное побережье?

— Ну как же? Месье Сорель не так давно был вынужден прервать свой отпуск и вернуться на работу напрямую из объятий знойной мулатки с юга. А так как ваш облик, манеры и поведение говорят о вас лучше, чем какие бы то ни бы-

ло слова, я была уверена, что речь шла именно о вас.

Пухлая губа злобно вздёрнулась, оголяя ряд ровных, белых зубов.

— Что?! — рявкнула она и резко обернулась к Дамиану.

Никогда ещё эти синие глаза не смотрели на меня со столь грозным обещанием.

Ни о чём не жалею. Поступить иначе было выше моих сил.

Развернувшись, я стала уходить, не оборачиваясь. А когда услышала смачное проклятие, что вырвалось изо рта чаровницы, а следом звонкий хлопок пощёчины, припустила, стараясь скрыться за спинами гостей и придворных.

Оказавшись возле стены с высоким зеркалом, я обнаружила за ней ход, ведущий на балкон, и, не раздумывая, юркнула туда.

Мне это было нужно. Глоток свежего воздуха после душного помещения, которому слабо помогали приоткрытые форточки. Я буквально уронила руки и голову на каменную ограду, согнувшись пополам и не желая признавать, что ревную.

Я ревновала Дамиана к этой стерве. И страшно обрадовалась, когда моя догадка подтвердилась. Не с ней он тогда отдыхал на море. А значит, ничего серьёзного по отношению к этой женщине не испытывал.

Но зачем мне это знание? Есть куда более важные задачи, чем ставить на место зарвавшихся девиц.

Поиски достойнейшего пока плодов не приносят. Поэто-

му надо поторопиться. Ведь никогда не знаешь, когда одолеет новый приступ и не станет ли он последним.

Я смотрела на лабиринты кустов, цветущие бутоны и птиц, которые не прекращали напевать тихую песню, и думала теперь лишь о том, как бы уйти поскорее с этого праздника. Не суждено мне найти здесь жениха. Даже и пытаться не стоило, потому что слишком велика пропасть между мной и теми, кто собрались здесь. И дело даже не в статусах и чинах. Я слишком другая, слишком чужая для всех этих людей. И не смогу никогда полюбить кого бы то ни было из них искренне, чтобы отдать всю себя без остатка.

Что-то зашуршало в стороне, и рядом со мной на каменные перила опустилась птица. Её синие-зелёные перья поблёскивали на солнце, и я засмотрелась, успев увидеть, как она складывает широкие крылья, устраиваясь, словно на насесте.

Неуклюже потоптавшись, птица пощёлкала клювом и уставилась на меня одним глазом.

Я икнула. Вспомнив, что держу в руке второй по счёту бокал, выпила его залпом.

— Вот скажи мне, птичка, — начала я, немного запинаясь. — Как мне жить? Ищу я, ищу этого самого пресамого, а чего нахожу? — покосилась на балконную дверь. — Проблемы себе на жо! — пришлось умолкнуть. Не желая больше развивать эту тему, я отмахнулась и подпёрла рукой подбородок.

— А ведь мне знаешь как страшно? И найти страшно, и

не найти. Найду не того, и всё, кранты. Не найду — тоже. Но в менее глобальных масштабах. Вот ты, птица, — я подалась к ней, неловко зацепив пальцами перья. — Скажи мне, почему так? Это наказание мне, да? За годы неравной борьбы с убийцами, насильниками, ворами и предателями Родины? — я загибала поочерёдно пальцы. — Скажи, я разве что-нибудь сделала не так? Кому-то не дала, а кому-то лишнего вписала? Всё строго, по совести, и согласно кодексу Российской Федерации-и-и. Господи, да что ж я такая пьяная-то? После пары бокалов?

Запустив пальцы в волосы, я сделала несколько глубоких вдохов.

Очень хотелось вернуть себе ясность сознания, унять туман и головокружение. Но то, что случилось в следующую минуту, обрушило все надежды. У меня начались галлюцинации. Иначе не объяснить было, почему со мной заговорила птица.

— Пить надо меньше, — заключила она с хрипотцой, как мог бы сказать попугай Ара, и несколько раз щёлкнула клювом.

Оторвав от лица руки, я вопросительно посмотрела вокруг и, не найдя никого, кто мог бы разговаривать, уставилась на важную птицу.

Протрезвела мгновенно.

— Ты умеешь разговаривать?

— Об этом никто не должен знать, — круглый глаз под-

мигнул мне, и птица неловко перетаптываясь, ещё сильнее приблизилась. — Времени мало. Твоя мама просила передать, что...

Птица резко крутанула шею, оборачиваясь к балконной двери, после чего взмахнула крыльями и, сорвавшись со своего насеста, взметнулась ввысь.

— Нет! Стой! Стой! — я замахала руками, пытаюсь поймать беглянку за хвост. — Что она просила передать?!

Но крылатое создание, с лёгкостью набрав высоту, была уже вне досягаемости.

А через секунду на балкон с радостным визгом влетела девушка в белом платье фрейлины с жемчужным отливом.

— Катрин! — вскричала Марион. — Наконец-то! Наконец-то я тебя нашла!

Она приблизилась, чуть не впечатавшись в меня и обхватила за плечи. Радоваться её появлению не получалось. Похоже, именно приход фрейлины спугнул птицу.

— У меня перерыв, пока все готовятся к балу. Почему ты ушла? Я с трудом тебя отыскала.

— Просто захотелось на воздух, — сказала я, натянув на губы улыбку.

— Элиас вернулся и ищет тебя. Я никогда его таким раздражённым не видела. Ты что-то обещала ему?

— Нет. Разве что первый танец.

— Значит, подождёт. Слушай, Катрин, у меня кое-что случилось, и я так счастлива! Мне необходимо поделиться с

тобой новостью, потому что если я дальше буду молчать, то лопну от счастья!

Дурное предчувствие заставило насторожиться.

— Ты не согласишь! — продолжила девушка, перейдя на чуть слышный шёпот. — Я беременна!

Глава 10

Оркестр грянул вальс.

Мои руки ослабли, и бокал, выскользнул, устремляясь прямым на каменный пол, где разлетелся на осколки. А счастливая Марион, с блеском в наивных глазах всерьёз ждала, что я порадуюсь за неё.

— Почему ты молчишь? — спросила она, и былую весёлость исказило другое чувство. Праздника не случилось, потому что я не стала скакать вместе с ней от радости и поздравлять её. Поздравлять было не с чем.

— Он знает? — спросила я холодно.

— Кто, Роже? Нет, я ему ещё не рассказывала.

— И? Что дальше?

Марион отступила, её взгляд стал испуганным, и в нём всё больше зарождалось отчаяние.

— Почему ты спрашиваешь? Мы ведь с ним любим друг друга, и только это важно. Сама жизнь покажет нам путь к тому, чтобы быть вместе. Так всегда бывает...

— Только в любовных романах, — окончила я. — В жизни неверных жён наказывают, а тех, кто осмелился осквернить чистоту знатной невесты, казнят. Ты должна была думать, прежде чем обрекать Роже на эту участь.

— Зачем ты всё это говоришь? — голос Марион задрожал, и она стала испуганно отступать, тогда как я шла на неё,

подводя к перилам балкона.

— Дай угадаю. В твоих книжных мечтах Роже неожиданно для всех окажется незаконнорождённым сыном какого-нибудь маркиза или герцога, и правда его рождения откроется в самый неожиданный момент? Но какой участи удостоила ты в этих фантазиях Элиасу? Сломает шею, упав с лошади? Или подавится косточкой от вишни? Хотя нет. Для любовного романа это слишком скучно. Пусть он окажется скрытым злодеем, который всех обманывает и в конце погибнет от меча героя. Так ты всё себе расписала?! Когда же ты, наконец, поймёшь Марион, жизнь не любовный роман!

Фрейлина всхлипнула. После чего скривила лицо и рыдалась в голос.

Да сколько можно?!

И всё же слёзы её успокоили мой гнев. Наверное, это хорошо, потому что в груди уже начинало припекать.

— Почему ты такая жестокая?! — простонала девушка. — Я ведь открыла тебе самое сокровенное!

Она прижала ладони к лицу. А мне захотелось обнять этого глупого ребёнка. Что я, собственно, и сделала. Марион не стала сопротивляться. Она горько плакала, вызывая у меня непреодолимое чувство вины. Вины за то, что не остановила её, не научила. Но как? Марион не так глупа, как можно было подумать. Она обставила всех. Умудрялась встречаться со своим избранником под носом у жениха, и никто её не подозревал, потому что иначе вряд ли бы девушка надолго

осталась при дворе в отведённой ей роли. Она умела ставить цели, достигать их. Вот только не осознавала последствий.

Поцеловав её в макушку, я проговорила:

— Когда ваша свадьба с Элиасом?

— В следующем месяце, — прогнусавила Марион, не отстраняясь. — Я убегу прямо из-под венца. И мы с Роже уедем. Мы обсуждали это и не раз.

— Куда же, если не секрет?

— Уйдём через лес, чтобы нас не смогли найти, — Марион отстранилась и, встретив мой удивлённый взгляд, продолжила. — Я знаю всё, Катрин. Та ведьма, о которой молчат, она не злая. Её предали, и там, в самой чаще, на границе с драконьими скалами живёт она, её семья, и те, кто осмелились пойти за ней. Все они свободны и счастливы. Сильны духом, и живут так, как не может позволить себе никто из придворных.

— Но ведь они грабят сборщиков налогов и похищают людей?

— Да никого они не похищают! И деньги им ни к чему! Не верь слухам! К ним идут по доброй воле те, кто устал. Я тоже устала.

— Почему ты так уверена в этом?

— Потому что слышала разговор королевы и господина Глера.

— Элиаса?

— Нет. Его отца. Рауль Глер — тот, кто вершит дела в на-

шем королевстве, пока публика смотрит на полуживого короля. Этот человек опасен. И он — ещё одна из причин, почему я не желаю связывать свою жизнь с Элиасом. Ты говоришь о романах и о том, что в жизни так не бывает? Но что-то подсказывает мне, скоро мы окажемся в самой гуще событий, не желая того. Когда произойдёт страшное, я хочу быть в безопасности, рядом с любимым. Там, где никто нас не потревожит.

Слушая Марион, я не узнавала её. На место хрупкой и легкомысленной фрейлины пришла совершенно другая Марион. Или она всегда была такой?

— Что ж, полагаю, Роже повезло с тобой, и я беру назад всё, что говорила. Но теперь вам нужно быть вдвойне осторожными.

— Я знаю, Катрин. И надеюсь, мы останемся с тобой друзьями.

— Не сомневайся, — я снова прижала её к себе. — Роже дорог мне. И он любит тебя. А значит, я поддерживаю вас обоих, что бы ни случилось.

На последних словах музыка за дверью балкона стихла, ознаменовав окончания какого-то незнакомого мне танца, где дамы и кавалеры чинно вышагивали друг перед другом замысловатыми шеренгами.

— Нужно возвращаться, — сказала Марион, утирая слёзы.

Что ж, на целых пять минут позора меньше ждало меня

в этот вечер.

Фрейлина слилась с толпой, намереваясь вернуться к своим обязанностям. Я же не успела уйти далеко. Элиас Глер вырос как из-под земли и, положив руку мне на талию, легко развернул на месте, сближая наши тела. В ту же секунду раздалась приятная мелодия, и мужчина повёл в танце.

Теперь, после всего, что я слышала, его присутствие тяготило. Сын серого кардинала не мог оставаться в стороне от дел отца.

— Марион не слишком утомила вас? — спросил он, чем вызвал тревогу.

Стараясь не выдать себя, я ответила:

— Ну что вы? Ваша невеста чудо.

— Она прелесть. Вы правы. Но ужасно легкомыслена. Я люблю её. Готов сделать всё, чтобы Марион была счастлива, даже если она так и не сумеет полюбить меня.

Мужчина тяжело вздохнул.

— Я не должен был всего этого говорить, — Элиас попытался отогнать уныние. — Но мне досадно и больно, что всё складывается именно так. Что договорные браки — это чаще всего неразделённая любовь, где несчастны оба. И с моей стороны было бы честнее отпустить её. Но я не могу. Я слаб. Слаб перед Марион. Она покорила меня. И одержимость ею крепнет с каждым днём. О как бы я желал увидеть хотя бы немного любви в её глазах.

Элиас говорил очень искренне. И от этого на сердце ста-

новилося тяжко.

Он не мог её отпустить, но этот его эгоизм, собственничество не были чем-то болезненным. Так было заведено во времени и в обществе, куда меня занесло. Глер хотел добиться расположения Марион. Возможно, он даже не стал бы склонять её к интиму после брака. И в это я могла поверить твёрдо. Вот только шансов у него не оставалось вовсе. Ведь даже если побег ребят не удастся, сердце Элиаса будет разбито, когда он узнает про измену.

— Мне так жаль, — сказала я.

— Вы влюблены, Катрин? — спросил мужчина неожиданно и очень внимательно на меня посмотрел.

Похлопав ресницами, ответила:

— Да как-то, знаете ли, не пришлось.

— Это хорошо. От любви на сердце остаются раны, которые никогда не заживают.

Я не выдержала и не знаю, зачем, сказала:

— Не отчаивайтесь, Элиас. Вы замечательный человек. И обязательно будете счастливы. Я уверена.

Он улыбнулся и кивнул мне.

— Благодарю за поддержку, Катрин. И простите, что порчу вам настроение. Сегодня праздник, нужно веселиться. Обещаю, что больше вы не услышите от меня ни слова жалоб.

Следующий танец оказался более живым и похожим на вальс. Я вновь танцевала с Элиасом, который и впрямь ожи-

вился, рассказывая разные нелепые и забавные случаи из жизни придворных, сновавших вокруг.

Возможно, мы бы так и продолжили танцевать, если бы в очередном перерыве к нам не подошёл тот самый рыжий глава торгового флота и не перехватил у Элиаса партнёршу.

Жак Жемандон даже не пытался скрывать своих намерений, позволяя рукам крепче и значительно ниже положенного обнимать меня за талию. Хотя какая уж тут талия? Не бывает талий на уровне копчика.

Как там в кино было? «Мне ухаживать некогда. Вы привлекательны, я чертовски привлекателен. Чего зря время терять? В полночь жду» Да, примерно так. И мне стоило огромнейших усилий не зарядить коленом туда, где у главы флота зудело.

К счастью, музыка вскоре стихла, и один за другим кавалеры стали сменять друг друга. Я танцевала с придворными, с дальними родственниками королевы и сыновьями верхушки военного командования. Внук генерала оказался милым парнем. А его дед, явившийся в зал одним из последних, вызвал у меня трепет и почтение своим видом. Нелегко было представить, как человек, которому на вид было лет сто, мог выдерживать все эти медали и ордена, коими увешана была его грудь.

Маркизы, бароны, наследные герцоги всех мастей сменяли друг друга, проявляя интерес ко мне, как проявлял бы избалованный ребёнок, которому наскучили игрушки и вдруг

возникла новая. Меня спрашивали о планах на будущее, о том, не помолвлена ли я. На что приходилось отвечать утвердительно во избежание сватов. Ну а чего? Господин Презо ведь ещё не расторг нашу помолвку официально, значит, пока можно прикрываться его именем. Во многом, потому что никто из этих мужчин не вызвал у меня хоть сколько-то интереса. Этого следовало ожидать. И осознав со всей твёрдостью своё незавидное положение, к седьмому или восьмому по счёту вальсу я отдалась усталости и уже ни с кем особо не любезничала. Но когда кто-то бесцеремонно подхватил меня и закружил в вихре музыки, даже вскрикнула глухо. А когда увидела перед собой самодовольное лицо дерзкого кавалера, кожу будто морозящим дождем осыпало. Постаралась не выказать волнения.

— Смотрю, у руководства инквизиции много свободного времени, месье Сорель, — проговорила я с издёвкой. — Сейчас наверняка где-то затевается преступление, а вы вместо того, чтобы не дать ему свершиться и всё предусмотреть, веселитесь на балу.

— Я не прекращаю работать ни на миг, мисс Бежон, — ответил Дамиан, теснее прижимая меня к себе, чтобы легче было сделать разворот.

— Да вы что? И здесь уже кого-то успели поймать?

Дамиан едва заметно улыбнулся, сжав сильнее мою руку.

— Как бы мне этого хотелось, — проговорил он, понизив голос. — Но пока я могу лишь наблюдать.

Подтекст его речей смутил меня. Кого это он поймать хотел? Срочно менять тему, пока не воспылали румянцем щёки!

— Ты был прав, — проговорила, немного прочистив горло. — Мне не удалось найти здесь того, кто был бы мне хоть сколько-нибудь симпатичен. Разве что внук генерала. Но он совсем юноша и младше на три года.

Дамиан выпустил меня, не размыкая наших рук, позволил отступить и с настойчивой нежностью вернул обратно. Я крутанулась, как делали женщины в этом танце, и очень неожиданно оказалась прижата спиной к груди мужчины.

— У тебя и впрямь запросы слишком высокие, — шепнул он мне на ухо. — Но до меня многим далеко. Поэтому рекомендую понизить планку отбора.

Он всё ещё удерживал меня, тогда как другие пары уже вернулись в исходную позицию и продолжили движение.

Я раздражённо ответила:

— С таким сомнением удивительно, что ты ещё не там, — я мотнула головой в сторону, где безучастный король Август дремал на своём троне.

— Предпочитаю оставаться в тени.

— Как кукловод в театре?

Мне в ухо прилетел тихий смехок, обдав кожу тёплым потоком.

— Ай-яй-яй. Как цинично, Катрин. Но нет, место серого кардинала при дворе занято.

— Жалеешь об этом?

— Ты даже не представляешь себе, насколько.

— Уверена, у тебя всё впереди. А теперь пусти меня. На нас все смотрят.

Все и впрямь уже косились на нас, потому что мы с Дамианом продолжали стоять, обнявшись прямо посреди зала. Внимание потянулось даже со стороны королевской семьи.

Я попыталась пихнуть локтем нахала, зажимавшего меня.

— Пусти! — задёргалась я, осознав, что мужчина не намерен меня слушать. Извернувшись, попыталась глянуть на него как можно более свирепо и, может быть, укусить. Но замерла, увидев, что мужчина смотрит сосредоточенно вверх.

— Ты чего? — спросила я.

В ту же секунду огромная люстра, усеянная свечами и каплями хрусталя, сорвалась с цепи, на которую была подвешена к потолку, и с перезвоном устремилась вниз. Прямо на нас.

Глава 11

Визги, крики, проклятия, стремительный стук каблучков по паркету.

Неужели всё происходит вот так? За какие-то доли секунды махина весом в сотню килограмм мгновенно расплющивает человека, и тот даже ничего не успевает почувствовать.

Но ведь я чувствовала. Руку Дамиана под грудью, жар его напряжённого тела и частое-частое дыхание. Чувствовала даже, как разболелись глаза, которые пришлось сильно зажмурить. И только когда я разлепила веки и увидела изумлённую толпу придворных, поняла, что всё ещё дышу.

Медленно подняв голову, едва не заскулила. Прямо над ней, не долетев до макушки считанных сантиметров, висела люстра, охваченная искрами, а от руки Дамиана к ней тянулась сверкающая полоса. Инквизитор удерживал махину. И судя по раздувающимся ноздрям и красному лицу мужчины, это стоило ему немалых усилий.

Искры окутывали нас обоих, и я не сразу поняла, что мои руки словно колит иглами, а жар в груди скоро начнёт обжигать. Надо же. Оказывается, к боли можно привыкнуть. Так что же, получается, это я? Нет, мы с инквизитором остановили люстру?

Дамиан сказал тихо, чтобы слышала только я:

— Плавно, без резких движений отступай вместе со мной.

Он потянул меня назад, и я подчинилась. Мужчина не опускал руки. Всё то время, пока мы медленно пятились, он направлял свою, нет, нашу силу на то, чтобы громадина не рухнула раньше времени и не погребла нас под собой. Мы единственные оставались в опасности. Придворные успели отбежать и, как ни странно, никто не стремился помочь нам.

Шаг, ещё и ещё. В миг, когда линия стала тоньше, Дамиан ещё крепче обхватил меня и буквально рванул с места. Мы не удержались на ногах, я с визгом повалилась на мужчину и больно прокатилась вместе с ним по полу, оставшись лежать на спине. Он навис надо мной, тогда как люстра с грохотом рухнула на пол, едва не впившись острым декоративным шипом в плечо инквизитора.

В тишине слышно было лишь, как катятся по полу незажжённые свечи.

Люди вокруг испуганно таращились то на нас, то на страшное оружие, что едва не унесло несколько жизней. Но оцепенелая тишина длилась недолго. Тяжело опираясь на подлокотник своего кресла, генерал поднялся и прокричал дребезжащим голосом:

— Люстра не могла упасть просто так! Ей помогли! Расследовать! Немедленно найти виновного и наказать его! Командор Сорель!

Кто-то из охраны королевской семьи уже взобрался на машину и, отыскав конец цепи, потряс им в воздухе.

— Его расплавили! — прокричал человек.

— Но дворец защищён от огня! — возмутился один из придворных.

— Просто так здесь ничего не уничтожить! — вторил ему другой голос.

— Даже повредить не так просто!

Дамиан уже успел подняться и помог встать мне, продолжая обнимать за плечо. Я не сопротивлялась. Его близость успокаивала.

— Как ты? — спросил он обеспокоенно?

— Всё в порядке, — ответила без лукавства. Жар стих, как и колики в руках.

Толпа загомонила. Перепуганную королеву приводили в чувства фрейлины и дамы. У кого-то из женщин случилась истерика, и её пришлось спешно увести. Удивительно, но король, который всё же проснулся от шума, никак не реагировал на происходящее. Продолжая сидеть неподвижно, он смотрел перед собой безучастным взглядом. Но когда тяжёлые двери зала отворились, и в проёме возникла тёмная фигура, мне не показалось. Губы короля скривились, а пальцы рук сделали такое движение, будто готовились впиться ногтями в подлокотники.

Человек в тёмной мантии и фуражке, надвинутой на лицо, прошествовал вперёд и, остановившись напротив королевской четы, поклонился обоим. Его глаз я не видела. Однако же разглядела довольно глубокий шрам на щеке, пересекавший её до самой скулы. На поясе мужчины висел меч, за ру-

кояоть которого тот держался так, словно это была трость.

— Ваше Величество, — обратился человек к королю. — Мои люди выяснили кое-что. На чердаке они видели чёрную кошку с белыми глазами. И не мне вам говорить, что это может значить.

Толпа зарокотала с ещё бóльшим трепетом. Генерал же рывкнул, да так, что я сильнее вжалась в Дамиана.

— Геросская ведьма! Ну конечно, это она! Она всё устроила! Что ещё должно случиться и сколько человек погибнут, прежде чем мы примем меры?! — старик, отбиваясь от адъютанта, подошёл к новоприбывшему и поравнялся с ним. — Позвольте действовать, Ваше Величество! Нужно избавить королевство от этой ведьмы сейчас же!

На последних словах генерал затрясся. А стоявший рядом с ним человек в тёмном отступил. Всё потому, что король Август вдруг поднялся и, оскалившись, попытался спуститься по ступеням к этим двоим. Их слова ему явно не понравились. Но как только король сделал шаг, нога его подвернулась, и он стал падать.

В мгновение его подхватили под руки несколько молодцев в лакейской форме. И тогда только я поняла, что Август совсем истощён, а одежда висит на нём мешком. Когда-то, наверное, он был могучим львом, широкоплечим, с густой копной светлых волос. Но проклятие, словно тяжкий недуг, превратило его в немощного старика сильно раньше отведённого ему срока.

— Всё под контролем! — проговорила сидевшая рядом королева, после чего нагнулась и положила руку на отяжелевшую голову мужа. — Сейчас всё будет хорошо, — продолжила она. И не ошиблась. Король вдруг перестал тяжело сопеть и совсем обмяк в руках слуг.

— Доставьте Его Величество в покои! — приказала она.

— Но Ваше Величество! — снова зашумел генерал. — Нам необходимо позволение...

— Король Август развязывает вам руки, генерал Артанж, полковник Глер. Делайте всё, что считаете нужным, чтобы уничтожить ведьму. Она слишком долго жила с ощущением вседозволенности. Пора положить этому конец!

Генерал просиял. Даже тот самый полковник изобразил подобие улыбки. Придворные же теперь всю прославляли короля с королевой, радовались и обнимались. Тогда как мне было совершенно не до смеха.

Король не отдавал такого приказа. Более того, он был против и лишь поэтому превозмог себя, желая высказать протест!

— Я ничего не понимаю, — вырвалось у меня. — Так неправильно.

— Согласен, — раздалось у меня над ухом.

Повернув голову, я увидела Дамиана таким, каким не видела его даже в дни наших первых встреч. Красивое лицо выражало злобу и бессилье.

Он хотел мне что-то сказать, но не успел. К нам подплыла

пожилая дама в нелепых кружевах и звонких подвесках на платье и чепце. Вытолкнув вперёд довольно грузную девушку с раскрасневшимся от волнения лицом, она заговорила:

— Господин Сорель! Позвольте нам с Софи выразить вам своё восхищение и благодарность. Если бы не ваша ловкость, внимательность и умение пользоваться магией, моя девочка вряд ли вернулась бы сегодня домой. Какое ужасное преступление! Ведьму нужно, просто необходимо наказать! Софи, что же ты молчишь?

Девушка вздрогнула и, став целиком красная славно помидор, пропищала:

— Благодарю вас, месье. Вы спасли мне жизнь.

Она неуклюже присела, склоняясь в реверансе. Я же совершенно чётко припомнила, что эта девушка весь бал присидела со своей спутницей на одном из диванчиков на самом видном месте. С ней не спешили танцевать. И потому благодарность выглядела немного нелепо.

— Пустое, княгиня. Это моя работа, — сухо ответил мужчина.

— Ну что вы! Не каждому дана такая ловкость. И даже не спорьте! — женщина продолжила с придыханием. — Командор, для нас станет большой честью принять такого человека, как вы. На будущей неделе у Софи день рождения. Прелестный возраст! Ей исполняется девятнадцать! И мы приглашаем вас к нам на праздник.

— Боюсь, я буду занят на работе, — попытался отказаться

Сорель. Но его прервали.

— Отказа мы не примем, правда, Софи, детка?

Женщина жеманно рассмеялась, не забывая то и дело пихать зардевшуюся Софи под бок. Та явно испытывала неловкость, но, судя по блаженному взгляду карих глаз, Дамиан ей нравился. Даже очень.

Когда женщины, наконец, оставили нас, игнорируя меня и до, и после своего визита, Дамиан сомкнул веки и проговорил:

— За что мне всё это?

— Не понимаю, чего ты расстраиваешься, — сказала я. — Когда-нибудь тебе всё равно придётся жениться. А Софи, она такая эффектная дама. Всех затмит.

Сорель посмотрел на меня долгим пронзительным взглядом.

Я не выдержала.

— Нет, ну ты сам виноват, Дамиан. Ходишь тут такой красивый, смелый, ловкий, дерзкий. Думаешь, я одна под эти твои чары попала? Сейчас набегут, — покрутила пальцем в воздухе. — И если жениться ты пока не готов, советую ретироваться.

Скрестила руки на груди и уставилась на мужчину максимально ироничным взглядом. Чтобы уж точно понял, что шучу.

— Готов хоть сейчас, — отрезал командор. — Но не на Софи. Пойдём, Катрин. Отвезу тебя домой.

Не стала спорить. Но как только мы с женщиной повернулись к выходу, напоролась на непривычно хмурого Элиаса. Тот преградил нам путь.

— Я вижу, ты чем-то недоволен, Сорель, — проговорил он. — Желаете обсудить приказ короля?

— Приказа не было. А значит, обсуждать нечего, — ответил холодно инквизитор. — Надо быть набитыми идиотами, чтобы поверить в цирк, который здесь устроили.

— Ты это о чём?

— Мои люди первыми оказались на чердаке. Они всегда и везде оказываются первыми. И то, что они там нашли, никак не вязалось с версией Глера.

— Что же они нашли?

— Пентаграмму тёмной магии прямо вокруг крепления люстры. Мой помощник едва успел зафиксировать её, прежде чем та чудесным образом испарилась. Всё будет в открытом доступе в материалах дела, когда я опубликую их. И заметь, ни кошек, ни даже кошачьей шерсти на чердаке не нашли. А мои люди ищут на совесть.

Лицо Элиаса на миг исказила злоба. Он не скрывал теперь раздражения. Переведя взгляд на меня, протянул руку.

— Пойдёмте, Катрин, я отвезу вас. Этот человек слишком дурно влияет на других. Старайтесь впредь не связываться с ним.

Глер требовательно поманил меня, чем вызвал неприязнь. Невольно отступив за спину Дамиану, я ответила:

— Спасибо за совет, Элиас. Но, в свою очередь, я рекомендую вам прямо сейчас отправиться к невесте. Она наверняка напугана, и ей нужна поддержка. Прощайте.

Взяв под руку Дамиана, я потянула его к дверям, обходя недовольного Элиаса. И поняла, что едва ли не волоком тащу за собой мужчину, только когда, миновав длинный коридор с портретами королей, он насмешливо меня окликнул:

— Катрин, я понимаю, что тебе не терпится уединиться со мной в экипаже, но давай помедленнее. Предпочитаю растянуть удовольствие.

Глава 12

Дамиан

О, эти глаза. Полные испепеляющей ярости и неприкрытых эмоций. Как же мне нравится дразнить её, злить и провоцировать. Вот и теперь Катрин смотрит так, будто готова вбить меня прямо в паркет одним ударом. Полагаю, ей это ничего не стоит, вот только рядом со мной, как бы она ни злилась, магия гьярды успокаивается.

Интересно, почему?

Тогда в парке я говорил, что думаю, не соврал ни единым словом, а когда коснулся губами её шеи, был готов сдохнуть в ту же секунду. Поцеловать Катрин и умереть. Безрассудно? Да. Но я просто не мог остановиться. И, о чудо, остался жив.

Она дышит часто, пытается унять раздражение. Умница. Вот только стоит мне бросить лишнее слово, фразу невзначай, она снова взорвётся.

Сбился со счёта, сколько раз я её обнимал сегодня. Мечты сбываются. Конечно, танцы и объятия не совсем то, чего я желаю, но кто я такой, чтобы вообще хоть чего-то желать рядом с этой женщиной?

Наконец, она заговорила:

— Дамиан, ты можешь думать обо мне что угодно. Но влюблена я или нет в кого бы то ни было, это не отменяет по-

иски того самого единственного, который устроит мироздание. Поэтому прошу тебя, давай ты просто подбросишь меня до дома, как и предлагал, и продолжим каждый жить свою жизнь. Мне кажется, нам вообще стоит поменьше видеться.

— Почему ты так решила? — мы продолжили путь, поравнявшись. — Сегодня наша встреча спасла нам обоим жизни. Да и десятку придворных в придачу.

— Ты о чём?

— О том, что без тебя и без энергии, которая вырвалась, когда ты испугалась, я бы вряд ли сумел удержать в одиночку эту люстру.

— Какая грубая лесть.

— Даже не думал льстить тебе, Катрин. Ты ведь сама видела искры и наверняка ощущала их. Также было, когда ты покинула Дом Инквизиции и упала, споткнувшись возле моста. Помнишь?

Прекрасные глаза Катрин округлились. Не собирался я раскрывать себя, но оно того стоило.

— Так это ты тогда не дал мне упасть?

Кивнул.

— Я следил за тобой из окна всё время, пока ты шла. И, как оказалось, не зря.

— Следил? — она недовольно нахмурилась.

— Ну да. Мне доносили, что тебя караулили твои работники, чтобы сразу увезти домой. Но в тот день старик задержался.

Катрин замедлила шаг и как-то странно на меня посмотрела. Её изучающий взгляд немного озадачил, и хоть я привык выигрывать в гляделки у самых мастеровитых менталистов и умельцев по части гипноза и промывки мозгов, едва не сплоховал.

Катрин так ничего и не сказала. Весь путь до экипажа мы проделали в молчании.

Я помог ей устроиться, а сам сел напротив, чтобы любоваться в полумраке самой красивой девушкой из всех, кого я когда-либо встречал. Влюблена ли она в меня? Возможно. С точностью сказать не могу, хоть и подначиваю её, наслаждаясь потоком эмоций в свой адрес. Но насчёт себя сказать могу точно. Давно стоило признать. Я пропал в ту самую минуту, когда увидел её в кандалах. И с тех пор злился. Ужасно злился на себя и на то, что судьба блондинки из гончарной мастерской так меня заботит.

Она опасна для самой себя?

Определённо.

Может создать большие проблемы другим?

Легко.

Но не это было главным для меня. Я желал быть с ней рядом, потому что эта женщина воплощённая мечта. Моя мечта. Такая, какую я ждал. Да даже не ждал, ведь не собирался обременять себя женитьбой. Но она возникла, и впервые в жизни мне захотелось чего-то большего, чем свидания, переходящие в постель.

— Прости, — сказала вдруг она, не прекращая смотреть в окно.

— За что?

— У тебя сорвалась сегодня жаркая встреча с поклонницей. Надеюсь, ты не слишком расстроился?

Я подался вперёд, опираясь локтями на колени.

— Это небольшая потеря, Катрин. Лучше скажи, ты что, правда разговаривала с птицей на балконе?

— С чего ты взял? — она испугалась.

— У меня достаточно осведомителей. Особенно во дворце. Приходится быть в курсе всего, вот только не всегда получается на что-либо повлиять. Не хватает власти.

— Я давно осознала, насколько ты честолюбив.

— Ненавижу всей душой, когда меня водят за нос. Вот и всё. Так что же?

Она тянула время, чтобы смягчить правду какой-нибудь мелкой ложью.

— Да, я говорила с птицей, — призналась она нехотя. — Но это не имеет значения. Просто с шампанским переборщила, вот и померещилось.

— Уверена?

— Точно тебе говорю.

— Тогда скажи, что такое кодекс Российской Федерации?

Её лицо заметно побледнело, что нельзя было не увидеть даже в полумраке салона.

Она медленно подалась ко мне и прижала к груди руку

с видом человека, готового поклясться на крови за правдивость своих слов.

— Веришь, нет? Понятия не имею, — сказала она и с изумлённым видом покачала головой. — Это надо же, какой белиберды можно наговорить по пьяному делу.

Она не стала ждать нового вопроса, а я решил, что с неё хватит. Актёрского мастерства ей не доставало, и всё же мучить расспросами эту нежную фею мне больше не хотелось. И мы продолжили путь. Она, глядя в окно, стараясь не встречаться со мной взглядом. А я, не желая смотреть куда-либо кроме точёного профиля, изящных скул, фарфоровых ключиц и умопомрачительного декольте моей чаровницы.

Солнце совсем скрылось за горизонтом, и едва различимые силуэты домов виднелись в сумерках. Мы миновали площадь и уже заворачивали к торговому кварталу, как вдруг Катрин проговорила осторожно:

— Мне нужно кое-что спросить у тебя.

— Спрашивай.

— Пообещай, что не арестуешь и отпустишь домой.

Я невольно усмехнулся.

— Не припомню, чтобы хоть кого-то на моей памяти арестовывали за вопросы.

— Пообещай.

— Ладно. Обещаю, — ответил нехотя, подозревая подвох. Но было уже поздно. Катрин пыталась скрыть волнение, но когда девушка зажата в тиски корсета, все её тревоги особен-

но открыты миру. Она часто дышала. Мне же с трудом удавалось сохранять с ней зрительный контакт и не спускаться глазами ниже.

— Кто эта женщина? Та, о ком нельзя говорить?

Чёрт. Вот и подвох. Но по-хорошему, закон этот мне всегда казался нелепым. А потому я лишь для вида укоризненно качнул головой.

— Тебе зачем?

— Её все так боятся. Хочу знать причину.

— Считается, что она наслала проклятие на короля.

— Это мне известно.

— Ещё она была возлюбленной Августа. И как раз по причине его предательства, прокляла обоих. И короля, и его молодую жену.

— Которая живёт и здравствует.

— Ты всё знаешь. Зачем спрашивала?

— Уверена, ты знаешь больше.

— Гораздо больше. Но это ведь не значит, что я стану тебе всё рассказывать.

Катрин вдруг опустила глаза и так прелестно надула губки, что я едва не расхохотался. Это что ещё за методы? Поиграть со мной решила?

Она изящно повела рукой, отбрасывая за спину выпущенные из причёски пряди. После чего поднесла руку к губам, прикусила краешек перчатки и стала по одному стягивать её с каждого пальца по отдельности.

Я понимал. Я всё понимал. Такой дешёвый трюк сработал бы с кем угодно. Только не со мной. Со мной он не должен был сработать, ведь я всё это проходил и не раз. Но почему-то тело отзывалось.

Катрин смотрела на меня в ту минуту не как невинная дева, целомудренная и непорочная, а как матёрая искусительница, познавшая жизнь.

— Что ж. Как знаешь, — проговорила она, грациозно стянув перчатку. — Тем более, мы уже подъезжаем. Значит, на чай тебя не приглашу.

— Катрин? — мне требовалось её остановить. Для её же безопасности. Ну и моей всё-таки.

— Чего? — она похлопала ресничками.

— Какой ещё чай?

— Не хочешь чай. Кофе есть.

Она не успела договорить. Взвизгнув, Катрин оказалась у меня на коленях и в моих объятиях. Раздразнила, чертовка. Сама виновата.

— Всё ещё готова пригласить меня? — спросил я, не давая ей вырваться. — Не боишься последствий?

— Не боюсь, — она принялась елозить, чем сильнее усугубила своё положение. — Дом не пускает тех, кто хочет мне навредить. Сам сказал.

Я не выдержал и втянул головокружительный запах её волос, умоляя Духов не дать мне сойти с ума.

— А кто сказал, что я хочу тебе навредить, м? — спросил

и отвёл немного её волосы, оголяя шею с пульсирующей на ней жилкой. — Как раз наоборот. Ты ведь этого добивалась.

— Ты меня неверно понял! Пусти!

Она уже чувствовала моё возбуждение. Не могла не почувствовать. Но я не намеревался доводить дело до конца. Мне жизнь дорога. Просто захотелось проучить глупышку, чтобы больше не вздумала дразнить мужчину, который и без того страстно желает оказаться с ней в одной постели.

Катрин всерьёз испугалась. Искры с её рук запрыгали по ладоням, а сама она задрожала мелко.

Я всё же коснулся разок губами её соблазнительной шеи. Устоять было невозможно. А затем прошептал прямо на ухо:

— Геросская ведьма была не просто возлюбленной короля, Катрин. Он полюбил её настолько, что женился на ней тайно, когда ещё был принцем. Но у наследных правителей нет права на любовь. И когда его отец, король Вильгельм, узнал о женитьбе сына, то поклялся уничтожить ведьму. Он сумел убедить всех, что Соланж опоила Августа, приворожила его. И ведьму приговорили к смертной казни. Но она не умерла. Ей помогли бежать в день расправы. И ведьма бежала в лес, отгородив себя от преследования колдовством. Ты довольна, Катрин? Или у тебя ещё остались вопросы?

— Что забрал у Соланж король? — пропищала она.

— Ты уверена, что хочешь ещё задержаться?

— Мне нечего терять.

Какая не по возрасту рассудительная барышня. Или она

настолько устала от вспышек дара, что готова отдаться мне прямо здесь? Ну нет, так дело не пойдёт.

Я ослабил хватку. Воспользовавшись этим, Катрин отпрянула и схватилась за ручку двери.

Больше всего на свете ей хотелось бежать от меня. Это было ясно без слов. Пересилив себя, она бросила на меня полный ненависти взгляд.

— Подумай, Катрин, — сказал я, не желая отпускать её. — Что может быть дороже всего для женщины? Когда поймёшь, вопросов у тебя не останется.

Она толкнула дверцу и вылетела вон из экипажа, оставив за собой шлейф неповторимого аромата чего-то сладкого и душистого.

Как бы ни было опасно возвращаться домой после разговора с Глером, я всё же отправился туда. Во многом потому, что очередная ночёвка в Доме Инквизиции грозила обморожением всего того, что ещё не отморозено.

Не стал будить слуг. Пускай спят. Уж как-нибудь сам разберусь с дверями и верхней одеждой.

Немного пожалел, что не остался с Катрин на чай. Этот чай не имел бы желанного продолжения, но я провёл бы больше времени с этой удивительной девушкой, сумевшей очаровать и подчинить себе гордых стихийных птиц — грустное напоминание об ошибках прошлого.

Миновав холл и гостиную, я прошёл к лестнице и взлетел на второй этаж. Спешил так, будто кто-то ждал меня в холо-

стяжкой постели. Но никто давно не ждал, а потому, замедлив шаг, я лениво добрёл к нужной двери и потянул её на себя.

Чужое присутствие в комнате ощутил сразу. Кто-то находился здесь без моего ведома и, судя по всему, без ведома дворецкого. Иначе тот предупредил бы меня. Человек прятался в глубине комнаты.

Удерживая наготове руки, чтобы применить магию или хотя бы просто стукнуть незваного гостя, я осторожно миновал прихожую, ступил в комнату и едва не выругался от неожиданности. На широкой постели лежала совсем голая Женьевьева и потягивала мой коньяк. Коллекционный, между прочим.

— Как же долго тебя не было, дорогой, — проговорила она, грациозно стекая с постели. Не стесняясь наготы, уверенная в себе как никогда она приблизилась ко мне вплотную, провела пальцем по моим губам, после чего с наслаждением коснулась его языком. Я жадно разглядывал её идеальное тело, готовое на всё, ради удовольствия. Эта женщина знала толк в любовных утехах, и я очень хорошо помнил, на что она способна. После недавних событий в экипаже я хотел того же всем своим существом. Здесь и сейчас. Но только не с ней.

Она обняла меня за шею, сближая наши лица.

— Ты так напряжён, Дамиан. Позволь мне помочь тебе расслабиться.

Женевьева требовательно поцеловала меня, и я забылся в этом поцелуе.

Глава 13

Катрин

«Ненавижу!» — кричало всё внутри меня, когда я влетела в дом и захлопнула дверь спиной. Мерзавец! Гад! Озабоченный самец! Да как он смеет вот так со мной обращаться?! Как с уличной девкой!

Да, отчасти я сама его к этому подтолкнула. Но надо же уметь держать себя в руках! Мы же не животные!

Коснувшись того самого места на шее, я чуть не застонала. Этот его поцелуй был таким обжигающе горячим, невыразимо чувственным и порочным. Настолько, что не будь у меня всё сложно с поисками единственного неповторимого, я б, наверное, дала слабину.

Он решил, что я влюблена? Возможно. Дамиан красивый, дерзкий, опасный инквизитор, который чуть что может посадить тебя в карцер. Такие способны вызывать чувства. Но лишь самые низменные. Потому что сам он вряд ли нацелен на что-то серьёзное. Сегодня он дал мне это понять с лихвой.

И всё же инквизитор помогал мне. Защищал и даже спас мою жизнь. Хотя тогда же он и себя спасал от люстры, поэтому вопрос спорный. И нет, этот невыносимый тип уж точно не подходит на роль единственного.

Мужчины в доме уже спали, когда я, тихонько подняв-

шись по лестнице, скрылась в своей комнате.

Немыслимое облегчение растеклось по венам, когда я стянула корсет, размяла спину и шею. Моя небольшая зарядка посреди комнаты в одном исподнем не осталась без внимания.

— Ты чего делаешь, Катрин? — задал вопрос Клод, который висел на излюбленной гардине, ритмично покачиваясь из стороны в сторону.

— Спина затекла, — ответила я. — Человек, который придумал корсет, этого явно не учёл. Тебе есть что мне рассказать?

— Сегодня без происшествий, — ответил паук. — Правда, какой-то парень странный ошивался возле крыльца после обеда. Когда Роже вышел, чтобы поговорить с ним и выяснить, что ему нужно, тот скрылся, ничего не ответив.

Пришлось прервать зарядку.

— Что за парень?

— Никто его не знает. Не местный. Да и выглядел он довольно необычно. Одет как охотник в кожаные брюки и жилет, волосы тёмные, длинные, собраны в хвост. Небритый.

Я узнала того самого мужчину, который плеснул мне водой в лицо у реки, чтобы очухалась от дурмана.

Так, дожили. И зачем же он приходил?

— Ты знаешь его? — спросил Клод, пытливо всматриваясь мне в лицо всеми шестью глазами.

— Не совсем. Но если ещё раз увидишь его, сразу говори

мне.

Утром, не успев позавтракать, я выкладывала события прожитого дня Флоре. Та явилась ни свет, ни заря и обязательно захватила бы с собой Магнолию, если бы та не улетила на недельный корпоратив. То есть, шабаш.

Флора то вздыхала и округляла глаза на мой рассказ, то хихикала с видом человека, который хорошо понимал нравы придворных. А когда узнала про люстру, изумилась настолько, что напрочь забыла про свой заказ. Который, кстати, был почти готов.

— То есть кто-то пытался тебя убить? — спросила она.

— Нет. Не думаю. Кто-то просто желал испортить праздник королеве. А другие упорно пытались сделать так, чтобы вина легла на ту, о ком нельзя говорить.

— А ведь она и впрямь могла это сделать. Никогда бы не подумала, что ведьма может быть настолько безжалостной.

— Если учесть, что король забрал у неё самое дорогое, — задумчиво проговорила я, — то понять её можно.

Флора удивлённо вздёрнула бровь и тихо спросила:

— Ты это о чём?

— Не знаю. До меня доходили лишь слухи. Но что именно забрал Август у Соланж, я даже не догадываюсь.

Флора вздрогнула. Нервно оглядевшись по сторонам, она убедилась, что в магазине никто нас не слышит, и прошептала:

— Никогда не смей называть её по имени! На него нало-

жена печать. И если его услышат стражи, тебя арестуют.

Я бессильно покачала головой.

— Как глупо. Можно подумать, проблема исчезнет, если о ней не упоминать.

Флора одарила меня предупреждающим взглядом. В ту же минуту дверь распахнулась, и в магазин вошла высокая, полная женщина в сарафане и с корзиной подмышкой. Я узнала её. Жена мясника приблизилась к прилавку и подалась вперёд, укладывая на столешницу массивную грудь.

— Здравствуй, Катрин, — начала она, — скажи, у тебя ещё остались кувшины, которые ты продала три дня назад Симоне?

Я похлопала глазами, вспоминая, кто такая Симона.

— Конечно, — ответила, улыбнувшись. — Кувшинов у нас всегда предостаточно.

— Мне нужны именно те, что сделала ты, а не Пауль. В них молоко не скисает.

В ответ на удивление, отразившееся в наших с Флорой лицах, она закатила глаза и принялась рассказывать:

— Симона Рамю неделю назад купила у тебя два кувшина. А у неё семеро детей ты знаешь, и бывает некогда вздохнуть, сама понимаешь. Так вот, она купила кувшины, налила молоко и забыла о нём, потому что Альфонс, её малыш, заболел и ей пришлось везти его в больницу! Молоко целых два дня, пока её не было дома, стояло на подоконнике, на солнцепёке и не прокисло! — женщина перевела дух. — Снача-

ла ей никто не поверил. А потом её соседка купила у тебя кувшин, поставила его у печки, и наутро молоко было будто только-только вынуто из погреба! Скажи, это какое-то колдовство?

— Магия, если быть точнее, — с насмешкой проговорила Флора. — А ведь я предупреждала Катрин, что эти её избытки волшебства будут уходить в глину и улучшать её свойства.

— Но это же лишено логики, — проговорила я нерешительно.

Супруга мясника отмахнулась.

— Как бы то ни было, Катрин, я настаиваю, продай мне два кувшина. А лучше сразу три. Но если их ещё нужно изготовить, я сейчас же внесу предоплату.

— Нет-нет, не нужно! — остановила я её. — Кувшины готовы.

Закончив с покупательницей, я ещё некоторое время возпросительно смотрела на дверь, которая за ней закрылась, отказываясь верить услышанному.

Надо же. Кувшин, в котором не прокисает молоко. Они что теперь все как холодильник станут работать? Мысли мои прервала Флора.

— Жду не дождусь твоих цветочных горшков, Катрин. Мне не терпится увидеть, как они работают и что дадут моим растениям.

— Хочется верить, они их не заморозят.

Флора рассмеялась.

— За это не переживай. Магия всегда бьёт в цель и не даёт осечек. Потому что это не колдовство и не ворожба.

Кто-то недовольно кашлянул у двери. Обернувшись на звук, я замерла от неожиданности и на миг испугалась, потому что с этим человеком у меня были связаны лишь неприятные воспоминания.

Рыжий, одетый во всё чёрное, капитан Марсель Корро с пренебрежением перевёл взгляд от меня к Флоре.

Прочистив горло, я осторожно спросила:

— Чем обязана, месье?

— Меня прислал командор Сорель, — сказал мужчина и, быстро преодолев путь до прилавка, положил на него свёрток. — Вы обронули вчера.

Отогнув край плотной бумаги, я увидела знакомую заколку. Флора тоже её мигом узнала и залихватски присвистнула.

— Скажи, детка, — обратилась она ко мне, — чего ещё я о тебе не знаю и насколько тесно сложилось ваше с командором общение вчера?

Всего из вчерашних событий я ей, конечно, не рассказывала. Но украшение грозило выдать меня с потрохами.

— Не выдумывай, — ответила я, пряча свёрток в складках платья. — Коляску трясло на неровной дороге, вот заколка и отлетела. Спасибо, господин Корро. Но почему месье Сорель сам не приехал?

— Полагаю потому, что у него есть дела поважнее, — ответил Марсель в свойственной ему грубой манере и, развер-

нувшись, вознамерился уйти. Но не тут-то было. Я не успела проследить, когда Флора так шустро обошла прилавок. Но она вдруг оказалась прямо напротив капитана, который её появления явно не предвидел и остолбенел. Но только на миг. Скривившись гневно, он шагнул в сторону, чтобы обойти Флору, но та не позволила ему это сделать, отзеркалив движение мужчины. Марсель отступил влево, и здесь его ждала неудача. Флора будто знала, что и когда он станет делать.

— Уйдите прочь, мадам, — процедил он, хватаясь за ремень, на котором держал оружие.

Флора улыбнулась ему в лицо и, тряхнув кудрями, ответила:

— Я, вообще-то, ещё не замужем, месье Корро, чтобы зваться мадам. Но сделаю вид, что не расслышала грубый намёк на мой возраст в ваших словах. Я отпущу вас, но прежде сделаю кое-что.

— Не понимаете, с кем имеете дело? — Марсель всё сильнее раздражался. — Уйдите с дороги по-хорошему.

Угроза в его голосе пугала меня. Но Флору, по-видимому, манеры этого мужлана не трогали. Она его не боялась. Более того, осмелев окончательно, Флора приблизила к мужчине своё лицо и заглянула прямо в полные отвращения глаза.

— Как легко и в то же время глупо обижаться на всех женщин мира и ненавидеть их лишь потому, что девушка предпочла тебя другому, — сказала она. — А ведь ты давно

мог обрести семью. И не раз судьба давала тебе шанс, малыш Марсель. Но ты ведь так горд и неприступен, что не позволишь никому осчастливить тебя.

— Закрой свой рот.

— Закрою. Но лишь тогда, когда буду уверена, что сказала всё, что хотела. А пока держи от меня подарок, несносный мальчишка.

Она щёлкнула пальцами. В тот же миг на петлице сюртука мужчины появился цветок. Фиолетовый бутон походил на гвоздику с мелкими резными лепестками, а вскоре помещение стал заполнять тяжёлый запах будто от горелой изоляции с примесями тухлятины. К моему удивлению, неповторимый аромат издавал цветок.

— Это ещё что за дрянь?! — Марсель попытался сорвать бутоньерку, но не вышло. Цветок хоть и растрепался, но сидел намертво. А манипуляции мужчины ещё больше распространяли по округе неповторимое амбре.

— Убери это немедленно, женщина! — рявкнул он, готовясь свернуть невозмутимой Флоре шею. — Иначе арестую за нападение на представителя инквизиции!

Девушка, которая всё это время улыбалась ему в лицо, звонко расхохоталась.

— Жизнь ничему не учит тебя, малыш Марсель. Что ж, значит, я поучу, — сказала она, отсмеявшись. — Отныне этот цветок всегда будет с тобой. Ты можешь выбросить всю свою одежду и купить новую, но цветок никуда не денется,

потому что он — это ты. Радиариус холодный выбрала для тебя сама природа. Я лишь выступила проводником, чтобы вручить его тебе. А насчёт женщины, — она поманила пальчиком Марселья и, о чудо, тот подался к ней, — я не женщина, малыш Марсель, а фея. Это куда интереснее. Захочешь обсудить возможности избавиться от цветка мирным путём, заходи в гости. Мою лавку ты легко отыщешь.

Она грациозно отступила, пропуская его.

Марсель хотел ещё что-то сказать, но лишь издал гортанный рык и вылетел из магазина, хлопнув дверью с таким грохотом, что Роже и Пауль, оставив все дела, выбежали на звук.

— Откуда ты узнала о том, что его бросила девушка? — спросила я Флору, которая безмятежно поправляла волосы. — Ты умеешь видеть прошлое?

— Упаси мироздание! — проговорила девушка. — Ты ещё слишком молода, Катрин. Но с возрастом поймёшь, как просто устроены мужчины. Такие, как этот Марсель, могут всю жизнь носить обиду на одну единственную женщину. Хотя, признаюсь, я рисковала. Ведь этой женщиной могла оказаться мать, которая оставила или не долюбила. Но я угадала. И совсем скоро он придёт умолять избавить его от цветка.

— Но зачем тебе это? Ты хочешь поиздеваться над ним? Так он озлобится ещё больше. И ещё больше станет зверствовать.

Авантюристка загадочно улыбнулась.

— Всё будет хорошо, Катрин, — сказала она. — Доверься моему опыту.

Глава 14

Когда и Флора меня оставила, я отправилась в мастерскую. Хотелось отвлечься от бесконечного потока загадок, окунуть пальцы в приятную текстуру глины, утонуть в ней руками и забыться хотя бы ненадолго.

С горшками Флоры я закончила быстро. И, пользуясь тем, что день выдался относительно свободный от забот, я попросила Пауля научить меня делать чайник. Кофейник мне уже удалось смастерить в комплект к чашкам. Роже даже сумел нанести на него аккуратный узор из параллельных линий насыщенного синего оттенка по белой эмали и золотистых точек в основании. Набор напомнил мне любимый сервиз, купленный с первой зарплаты, когда я ещё трудилась помощником прокурора. Он не раз переезжал вместе со мной. Но погром, который устроили в девяностые братки, несогласные с приговором, который я вынесла их пахану, сервиз не пережил. И мне приятно было возродить его хотя бы в таком виде. Да, не фарфор. Но какое это имело значение? Главное, мне нравилось то, что я сделала, чашки не переставали служить обитателям мастерской, а остальное значения не имело. Продавать набор я, естественно, не собиралась.

Теперь хотелось изготовить чайный сервиз. И, возможно, продать его. Интересно, какими особыми свойствами он будет обладать? Добавит яркости вкуса чаю или станет прият-

ным собеседником во время перерыва?

Усмехнулась мыслям и продолжила внимать.

Пауль показал мне два способа смастерить чайник. Первый хоть и казался простым, требовал не меньше внимательности и осторожности. Носик следовало буквально вытянуть из тулова посуды, но при этом не слишком истончить стенки. Такая цельная конструкция была прочнее. И я быстро справилась с задачей, так как имела уже подобный опыт с кофейником. Но мне хотелось продвинуться дальше, и вскоре мы уже работали над изделием из двух деталей.

Сказать, что было трудно — промолчать. Трижды я испортила чайники, и лишь один из них золотые руки Пауля смогли восстановить. Но всё же мне хотелось самой довести дело до конца, увидеть, как стыки примкнули друг к другу без зазоров и свищей и чтобы при этом всё выглядело аккуратно, без вмятин и царапин. Лишь на второй день, когда достаточно подсохли тулово и носик, я осторожно соединила их, стараясь сцепить между собой насечки и густо промазать их жидкой глиной. Всё получилось, и я радовалась как ребёнок, когда Пауль одобрительно кивнул, разглядывая результат моих трудов.

Изготовление мелкой посуды особенно захватывало меня. К тому моменту, когда я села за чайники, в моём гончарном портфолио имелись три набора баночек для специй по пять штук, с десятков амфор для микстур и аромамасел. Часть из них я подарила аптеке при больнице доктора Плежу в благо-

дарность за Пауля, которого доктор вернул нам с того света.

Но как бы мне ни хотелось создавать изящную, тонкую красоту, высокие, узкие вазы и крохотные кофейные чашки, я понимала, что спрос на эти изделия будет куда меньше, чем на горшки и миски, и мы делали горшки, кувшины, миски, тарелки и прочую утварь для хозяйственных нужд.

Всё чаще к нам в магазин приносили занятные истории о волшебных тазаках, в которых замоченное бельё становится чистым без особых усилий, о тарелках, из которых начинали активно кушать даже самые капризные и избирательные в еде малыши. На словах очередной покупательницы про супницу, в которой на другой день после первой готовки сам собой появился любимый её домочадцами суп, я припомнила сказку про волшебный горшочек, который варил кашу без помощи печи, и испытала острое желание сменить вывеску над дверью, прибавив к ней слоган. Вышло бы что-то вроде: «Гончарная мастерская Катрин. Наши горшки решат ваши проблемы».

Поток покупателей медленно возрастал. Не сказать, что к нам выстраивались очереди. Но мы и не делали рекламу. Хорошо работало сарафанное радио, и вскоре стали появляться совершенно незнакомые мне лица. Как оказалось, слава о наших горшочках и кувшинчиках вышла за пределы региона, привлекая новых покупателей.

Я погрузилась в работу, забыв обо всём. Мне нравилось это состояние и на какое-то время засела уверенность, что

так будет всегда, что сила нашла выход в керамике, и больше не создаст мне проблем. Но не тут-то было.

В одну из ночей мне приснился тревожный сон. Ничего необычного. Классика. В который раз я не успела на поезд и осталась стоять на перроне, с ужасом провожая хвост удаляющегося состава. Этот сон часто повторялся в прошлой жизни, оставляя за собой тяжёлое состояние, которое могло тянуться всё утро. Но в тот день я проснулась и почувствовала сильный жар. Пекло не просто в груди, как бывало прежде. Всё тело горело так, как ни разу не было при самой высокой температуре.

Кромешная тьма за окном и абсолютная тишина сообщали, что улица спит крепким сном. Спали все, кроме меня, потому что меня в ту минуту трясло от агонии, а руки и всё тело фонили холодным свечением.

— Помогите, — простонала я и упала с кровати. — Боже милостивый, спаси!

Но никто не спешил помогать мне. Да и как бы они это сделали? Вариант был только один, и никоим образом в те мучительные минуты он не мог воплотиться в жизнь.

Нет, не светит мне встретить достойнейшего при моём образе мысли и отношении к морально-нравственной составляющей жизни. Это давно следовало принять, как данность, смириться и... умереть?

Но я ведь только начала жить. Я очень хочу жить эту новую, удивительную жизнь, в которой события не успевают

сменять друг друга. Пожалуйста, мироздание. Ты ведь ничего не делаешь случайно. Прошу, пожалуйста!

— Пожалуйста! — повторила я и поняла, что теряю сознание. В последнее мгновение успела лишь увидеть, как распахнулась дверь, и в проёме возникла широкая фигура Роже.

Кто-то разговаривал приглушённо, будто через подушку. Я попыталась повернуть голову, открыть глаза, но у меня не получилось. Темнота не отпускала, а бессилье затопило сознание.

Мне было плохо, ужасно. Даже дышать стало трудно. И всё же боль отступила, а мои мышцы и кости не ломало до потери сознания.

— Пусть так, доктор, — услышала я низкий женский голос. — Объединим наши усилия. Обезболивающее, которое вы дали ей, помогло. А моя настойка сняла напряжение магических путей, чтобы вывести излишки без повреждений. Катрин скоро придёт в себя.

— Вы должны предупредить её, мадам, — я узнала твёрдый голос доктора Плежу. — Злоупотреблять настойкой опасно. Если так продолжится и дальше, девочке придётся всё чаще прибегать к её действию. Увеличивать дозы. А это лишь усугубит её положение.

— Перспективы в любом случае безрадостны, месье.

— Никогда не нужно терять надежды, моя дорогая.

Прилагая невероятное усилие, я разомкнула веки. И не ошиблась. Возле постели в комнате переговаривались док-

тор и Магнолия. Ведьма первая почувствовала мой взгляд и, опустившись на корточки, положила тёплую ладонь мне на лоб.

— Дорогая, — проговорила она с нескрываемой заботой, поглаживая мои волосы. Будто родная мать. — Милая Катрин. Как ты себя чувствуешь?

— У меня нет сил, — ответила я, с трудом выдавливая слова.

— Это совершенно нормально, мисс Катрин, — сказал доктор, который тоже склонился и внимательно вглядывался в моё лицо. — Мы с мадам провели кое-какой ритуал, чтобы вам стало легче. В случае если к следующему приступу вам не удастся передать магию гьярды избранному, — доктор неловко откашлялся, — нужно будет принять лекарства. Они помогут.

Я кивнула и вновь сомкнула веки, чтобы не заплакать. Лекарство несомненно поможет. И неясно, что первым убьёт меня, эта микстура, без которой я скоро не смогу справляться с приступами, или чёртова сила.

Магнолия проводила доктора и, придвинув банкетку, села рядом, беря меня за руку.

— Ты должна решиться, — сказала она вдруг.

— О чём ты?

— Я понимаю, что для юной девы вопрос чести первостепенный, но тебе придётся отдать себя, иначе умрёшь, и в худшем случае твою магию перехватит кто-то недостойный. На-

верняка ведь есть мужчина, который тебе нравится? Пусть он не станет суженым и вообще не свободен — не имеет значения. Это должно случиться. Я не хочу, чтобы история повторилась вновь. Это так ужасно.

— Магнолия, прости, но...

— Когда Роже вызвал к вам доктора, я сразу поняла, что случилось. Придя сюда и увидев тебя на полу, я всерьёз решила, что ты умерла, Катрин. И твоя боль, — женщина сильнее жала мою руку. — Я ощущала её отголоски. Всего лишь отголоски, Катрин! Но и этого хватило. Знаешь, мне давно не было так больно. Это почти как гореть на костре живо, и я представить не могу, как ты это выдерживаешь. Умоляю тебя, дорогая, наберись мужества и отдай ему свою силу. Уверена, ты знаешь, о ком я говорю.

Магнолия замолчала, испытующе вглядываясь мне в лицо.

Тяжело вздохнув, я спросила:

— Тебя что, пытались сжечь на костре?

Магнолия моргнула, видимо, не ожидая вопроса.

— Пытались, да. Но меня спасли. В общем, это неважно сейчас. Сейчас главное, чтобы ты осознала своё положение. Ты молодчина, что взялась за керамику и выпускаешь в глину свои излишки. Но сама видишь. Этого недостаточно. Пора действовать, Катрин. Ждать дольше опасно.

Я тяжело вздохнула и, прижав к губам тонкие пальцы с алыми ноготками, поцеловала руку женщины.

— Спасибо тебе. Не знаю, как бы я справилась без тебя.

— Перестань. Это всё Роже. Если бы он не поднял шум, я бы и не узнала, что с тобой.

Силы понемногу возвращались ко мне и, приподнявшись на подушке, я попросила:

— Пригласи его, пожалуйста. Мне необходимо поговорить с ним.

Ведьма озадаченно кивнула, и меньше всего мне хотелось думать, что она решила касательного ночного визита помощника в мою комнату. Но спорить Магнолия не стала. И вскоре после её ухода в дверях возник Роже.

Лохматый, уставший, встревоженный, он вышел на середину комнаты и остановился, взволнованно глядя на меня.

— Скажи, дорогой, ты уже знаешь, что Марион беременна?

Парень кивнул.

— Она рассказала мне.

— О своих планах она тебе тоже рассказала? — дождавшись нового кивка, я продолжила. — И когда вы планируете уйти?

— Мы ещё не получили разрешение.

— Какое разрешение?

— Марион сказала, что просто так в лесу нас не примут. Прежде чем идти туда, нужно оставить письмо с просьбой под выступающим корнем мёртвого дерева на окраине и ждать ответа.

— Ответ вы получите там же?

— Да. Завтра нам его дадут.

— А если кто-нибудь его перехватит?

— Это невозможно. Письмо явится лишь адресату.

— А если вам не позволят пройти?

Роже нахмурился.

— В таком случае мы отыщем другой путь. Мир велик, и где-нибудь нам обязательно найдётся место.

Я с грустью поджала губы. Так не хотелось отпускать этого доброго малого, который стал мне другом. Но обстоятельства, чтоб их, снова оказывались сильнее нас.

— Полагаю, Пауль ничего не знает?

— Нет, — Роже испуганно округлил глаза. — И умоляю вас, Катрин, не говорите ему ничего, прежде чем мы уйдём. Не потому, что я его боюсь, просто дядя станет пытаться не пустить меня и может навлечь этим беду. Тогда нам с Марион будет уже не спастись. Пусть как можно меньше людей знают о наших планах.

— Он так тебя любит.

— Я тоже его люблю. Но у меня теперь будет другая семья, и мне придётся отвечать за их безопасность.

Протянула к нему руки, не в силах сдержаться. Роже приблизился, опустил передо мной на колени и позволил обнять его.

По моим щекам потекли слёзы. Я ненавидела себя, но промолчать и не воспользоваться выпавшим шансом было выше

моих сил.

— Я буду очень по тебе скучать, Роже, — проговорила со всей искренностью. — И знаю, что не имею никакого права подвергать тебя опасности, но пока ты здесь и не ушёл, прошу, помоги. В последний раз. Это не приказ, не задание. Это просьба, в которой ты имеешь полное право мне отказать. Потому что, если тебя поймают, накажут по всей строгости.

— Что нужно делать? — решительно спросил мужчина.

— Ты знаешь, где похоронена моя мать?

Роже кивнул.

— Мне нужно посетить её могилу. Ты некромант, Роже, и только ты можешь помочь мне с этим. Но некромантия под запретом в Рестольте, а потому ещё раз прошу, подумай, готов ли ты пойти на этот шаг, и не спеши с ответом.

Мой друг не думал ни минуты.

— Я бы не простил себе, если бы не помог вам, когда была возможность, Катрин, — сказал он. — Конечно, я схожу с вами и сделаю, что должен. Не беспокойтесь. Никто не знает, что я некромант, отличительной руны я не имею, а потому наше появление на кладбище ни у кого не вызовет подозрений.

Готова была расцеловать его. Но сдержалась. Ведь впереди нас ждало рискованное предприятие.

Глава 15

Надев самое тёмное из своих платьев и, поручив Паулю присмотреть за мастерской, утром следующего дня я отправилась на кладбище. Пауль не заподозрил в нашем совместном походе ничего странного. А потому без лишних вопросов отпустил племянника сопровождать меня.

Конечно, рисковали мы оба. Роже особенно. Я это понимала, и совесть мучила меня. Но как иначе пробиться к матери Катрин, которая усиленно пыталась связаться со мной, я не знала.

Что если не получится? Что если простого прикосновения к могильному камню не хватит для того, чтобы мне поговорить с духом этой женщины? Но выяснять тонкости некромантии было опасно. Тогда я бы точно привлекла ненужное внимание и вызвала подозрения. А потому оставался старый добрый метод тыка. Уж как-нибудь. А не получится, ну значит, не судьба. Лишь бы только нас не разоблачили.

Приютившись у западной окраины города, погост простирался невысокими стелами на несколько десятков метров в направлении горизонта и очень напоминал кладбища, какие я видела из окон поездов и электричек. Ни разу в своей прошлой жизни я не приходила сюда целенаправленно. Зачем? Когда у тебя нет родных и друзей наперечёт, тебе некого терять и нет повода для скорби.

Да, мне жилось легко и спокойно, не нужно было волноваться за родных. Но в минуту, когда я ступила на священную землю последнего приюта безмолвных душ, ощутила пустоту. Нет, не безразличие. На кладбище вообще невозможно оставаться безразличным.

Умышленно лишив себя семьи, уязвимости, и, как следствие, рычагов давления со стороны врагов, я потеряла что-то важное. Мимо меня прошли белое платье с фатой, семейные праздники, девять месяцев ожидания чуда, радости, горести и всё то, что следует за человеком, оставляя воспоминания и лёгкую грусть по былому. Всего этого не было. И стало вдруг так грустно, даже разозлилась на себя.

Остановившись возле белого камня, над которым нависли, склоняясь и касаясь его шероховатой поверхности, ветви высокого кустарника, я поняла вдруг, что не жила ни дня. По иронии судьбы осознание это настигло там, где эта самая жизнь заканчивается. Машина справедливого возмездия. Я пожертвовала всем, чтобы легче было удерживать оборону. И теперь не желала возврата к прошлому.

Я хочу жить, мироздание. Хочу всего того, чего у меня не было. Семью, любовь, друзей, дом, где всегда шумно, тепло и уютно. Куда бежишь вприпрыжку. И я сделаю для этого всё, что в моих силах. А может, и больше.

Взгляд устремился в небо, желая не выпустить слёз. Но не вышло. Одна слезинка всё же прочертила по щеке мокрую дорожку и, тяжело вздохнув, я смахнула её.

— Мадам Лоретт была очень доброй, — проговорил Роже, глядя с тоской на камень. — Мне жаль, что всё вот так сложилось.

Когда удалось сморгнуть морево слёз, я вгляделась в камень. На нём имелись два слова, имя и фамилия. А я ведь, к собственному стыду, даже не удосужилась выяснить, как звали женщину, с которой мне предстояло выйти на связь.

Лоретт Бежон — мама Катрин. Несчастливая, чья жизнь оборвалась лишь потому, что одному чудовищу захотелось власти.

Франсуа помог ей умереть. В этом я была уверена. И какое облегчение, что их похоронили в разных могилах.

После продолжительного молчания Роже спросил:

— Скажите, мисс Катрин. Что я должен сделать?

Повернув к нему голову, я поймала взгляд, полный тревоги.

— Ты можешь отказаться.

— Нет. Я всё решил, — парень подошёл ближе.

Кивнув ему несмело, я огляделась и, убедившись, что рядом никого нет, прошептала:

— Тогда давай попробуем. Но если что-то пойдёт не так, мы сразу уйдём.

Парень тоже огляделся и, набравшись смелости, протянул руку. Как только пальцы его коснулись холодной, неровной поверхности, он испуганно отдернул их.

— Что? — я схватила его за локоть, озираясь, будто во-

ровка. — Ты что-нибудь слышал?

— Там кто-то смеётся.

— Как это? — изумилась я.

Роже не ответил и, пожав плечами, снова коснулся камня. Но теперь уже руки не убирал. И пока на лице его отражалась гамма самых разных эмоций, я могла лишь недоумевать.

— Роже, скажи что-нибудь, — потребовала я, теряя терпение. В мире по ту сторону камня явно что-то происходило, и мне важно было знать, что именно.

Не говоря ни слова, парень сомкнул веки и зажмурился, беря мою ладонь другой, свободной рукой. В ту же минуту я услышала невероятное.

На пустынном, безмолвном кладбище стало вдруг так шумно, что я ушам не поверила. Будто со всех сторон нас окружили люди. Они смеялись, говорили, пели и шумели на все лады. Ощущение праздника завладело пространством. А абсурд происходящего ломал сознание.

Я не понимала, что происходит.

— Мадам Лоретт, — тихо позвал Роже. — Прошу, явитесь к нам. Ваша дочь Катрин хочет с вами поговорить. — Мадам Лоретт.

Я слышала всё. Став проводником между мной и миром мёртвых, Роже напряжённо дышал, но сеанс экзорцизма прекращать не торопился. И совсем скоро я услышала голос.

— Подождите, прошу, тише, друзья! — какая-то женщина заливисто рассмеялась так близко, что я в который раз

огляделась. — Кто? Кто говорит со мной?

Роже торжествующе обернулся и с воодушевлением продолжил:

— Я узнаю ваш голос, мадам Лоретт. Это я, Роже, ваш красильщик. Со мной Катрин. Она слышит вас, мадам.

Голос ахнул, и шум веселья стал отдаляться, будто собеседник вышел из комнаты в разгар вечеринки, чтобы поговорить по телефону.

— Катрин! — радостно позвали меня. — Дорогая моя! Какое счастье тебя слышать! Как ты, солнышко?

У меня в горле застрял комок, будто я и впрямь говорила с собственной матерью, которой у меня никогда не было. Второй раз за день что-то сломалось внутри, раздвигая границы сознания.

— Мама, — я не верила, что говорю это. — Мамочка, милая, у меня всё хорошо. Точнее, не то чтобы хорошо. Собственно, поэтому я и пришла. Но скажи, что за шум у тебя? Ты вообще где?

— О, детка! Ты, наверное, не поверишь, но после смерти те, кто долго мучился, попадают в светлый мир бесконечного отдыха от забот. Здесь каждый получает то, о чём мечтал. Кому-то дают крылья, и он летает в облаках, словно птица, другие окружают себя милыми домашними животными и без устали играют с ними. Остальные просто пребывают в покое, и их никто не трогает, позволяя наслаждаться тишиной и никуда не спешить. Нам здесь уже некуда особенно

спешить. И так тут хорошо! Так радостно! Я и подумать не могла, что такое произойдёт со мной. Священники, оказываясь, не сочиняли, рассказывая о лучшем мире после жизни. Но скажи, Катрин, как ты там совсем одна?

— Справляюсь, — ответила я, недоумевая после услышанного. — Хотя не совсем.

— Ох, дорогая. Прости, что не защитила тебя. Твой отчим, жестокий человек, не дал мне этого сделать. Да я и не сумела бы. Злодей. Я знаю, что его больше нет среди живых, видела, как дух этого мерзавца сбрасывают прямиком в котлы преисподней. Тебе ведь уже известно, что ты гьярда, детка?

— Да, мама. И мне пришло послание от тебя.

— Какое послание?

— Ну как же? Письмо в сундуке и потом птица. Их ведь ты отправляла?

На противоположном конце связи с потусторонним миром ненадолго повисла тишина.

— Нет, солнышко. Я не отправляла писем. И как бы я ни желала поговорить с тобой, самой бы мне не удалось это сделать. Тем более посредством бумажных посланий.

— Но в них упоминалось о тебе. А одна ведьма сказала, что мне важно получить твоё благословение, чтобы магия меньше одолевала. Понимаю, что с этим сейчас, скорее всего, будут сложности, но можно ли хотя бы попытаться?

Снова тишина. Глянула на Роже, у того уже капли пота

выступили на лбу. Стало ясно, что пора заканчивать. Но мне требовались ответы.

— Милая моя, — проговорила мама как-то уж по-особенному скорбно. — Даже если бы я была жива, это всё равно ничего бы не изменило. Духи не дали нам с Сержем детей, и мы почти отчаялись, пока в один чудесный день под дверью не отыскивали корзинку. Ты спала в ней, любимая моя девочка. И этот дар судьбы был самым дорогим за всю мою жизнь. Я не твоя мама по крови, а Серж не твой отец, хоть он обо-жал тебя, как и я. Прости, что скрывала это. Я люблю тебя больше всех на свете, моя девочка, но этой любви не хватит для благословения. Тебе придётся найти настоящую маму, чтобы получить его.

Нервы и без того уже были на пределе. Возможно, будь я настоящей Катрин Бежон, а не заменой из другого мира, разрыдалась бы и убежала в отчаянии. Но со своей колоколь-ни, решив, что не имею морального права судить кого-то за ложь, сказала:

— Я понимаю. И не сержусь на вас с папой. Вы были луч-шими родителями для меня, и других я бы никогда не поже-лала. Спасибо, мама, за всё. И прощай. Я тоже очень тебя люблю.

— Постарайся найти её! — прокричала Лоретт за секунду до того, как рука Роже отпустила камень.

Он покачнулся на месте, но устоял и схватился за вис-ки, пытаясь унять головокружение. Говорить никто из нас не

спешил. Да и что тут можно было сказать? Похоже, я обречена. Достойнейшего так и не нашла. А теперь и последняя нить надежды оборвана. И это именно сейчас, когда я так остро возжелала прожить нормальную жизнь.

Боже, да что ж мне так не везёт?!

Смахнув предательскую слезу, я посмотрела на Роже и улыбнулась в ответ на его безмолвное сочувствие.

Больше мы нигде не задерживались. А когда вернулись домой, я поднялась к себе в комнату, заперла дверь и разрыдалась в подушку.

Глава 16

Торговля в лавке с каждым днём шла всё лучше. Прибавлялись заказы, но радоваться не получалось.

Хоть я и старалась быть приветливой, отчаяние не покидало меня. Особенно когда перерыв заново бумаги в комнатах верхнего этажа, я не нашла ничего, что пролило бы свет на историю моего рождения и того, кем была женщина, оставившая корзинку с младенцем под дверью семьи Бежон.

Но кто же тогда пытался всё это время достучаться до меня? Встреча с матерью по всему должна была как минимум облегчить моё положение. Но теперь я даже примерно не понимала, что делать дальше и где искать настоящую мать Катрин.

Руки опускались. И всё больше я ловила себя на странной мысли, что примирилась со всем. С судьбой, которая мне уготована, с тем, что жить осталось не так много. Что ж, мне дали шанс, я сделала всё, что от меня зависело, теперь оставалось только ждать.

Громкий окрик вернул меня в повседневность магазина. Пауль в подсобке снова отчитывал Роже за какую-то провинность. А ведь совсем скоро здесь станет тихо, и не знаю, как Роже, а я буду скучать по нравоучительным речам старика, который души не чаял в племяннике.

Когда крик стал слишком уж громким, я воспользовалась

отсутствием покупателей и заспешила проверить, что случилось. Толкнув дверь подсобки, обнаружила странное зрелище. Пауль сидел на ящике у стены, причитал еле слышно и раскачивался вперёд-назад, держась за голову. Опустившись на колени рядом с ним, Роже с мольбой глядел на дядю.

— В чём дело? — я прошла вглубь комнаты. — Пауль, вам плохо?

Старик отнял от лица заплаканные покрасневшие глаза.

— Этот глупец! — он указал трясущимся пальцем на Роже. — О! Я не могу говорить! Какой позор! Я не должен был дожить до этого дня!

Пауль снова закрылся руками, отдаваясь невыразимой скорби.

— Я всё рассказал ему, — признался вдруг Роже. — Я должен был, потому что не мог просто так уйти. Дядя единственный мой родной человек.

Замерев, старик медленно поднял на меня глаза.

— Вы знали обо всём, Катрин?

Кивнула.

— Как и вам, Пауль, мне всё это ужасно не нравится. Но ни я, ни кто-то другой не могли остановить Марион.

— Не нужно винить её одну! — снова заговорил Пауль. — Этому увальню бестолковому надо было головой думать, когда она к нему приходила. А он думал чем угодно, только не головой! Ты разве не понимаешь, что с тобой будет, если

вас поймают?! Она знатная! Ей стало скучно, сходила, нашла себе развлечение. А ты?! Да тебя никто не пощадит!

— Хватит! — рывкнул Роже, отчего дед испуганно охнул. — Довольно дядя, — продолжил парень, выпрямляясь в полный рост. — Я рассказал тебе всё не для того, чтобы ты говорил то, что я и так знаю. Всё уже случилось, и назад дороги нет. Я должен позаботиться о семье, увести Марион в безопасное место, где её не найдут, и мы сможем жить спокойно. Всё это тяжело и неприятно, и меньше всего мне хочется ссориться с тобой, зная, что наверняка мы не увидимся больше.

Он сжал челюсти и сглотнул.

Пауль же скорбно сомкнул веки.

— Ну раз ты всё решил, племянник, — проговорил он тихо, — то и я буду честен с тобой. Знай, дорогой мой, что твоя мать любила в своей жизни лишь раз. И этот человек был знатных кровей. От него ты получил свои способности, которых так страшишься.

— Что? — изумился Роже. — Но это невозможно.

— Его имя Марлон Тиас. Если захочешь, отыщи этого человека. Полагаю, он в долгу перед тобой за ваши с Кларой загубленные жизни.

Роже перевёл испуганный взгляд на меня. И я лишь пожала плечами.

— Но почему ты не рассказал мне раньше? Это могло изменить всё.

— Не могло, и ты это прекрасно знаешь! Тиас, если у него ещё осталась совесть и чувства, поможет тебе. Но если нет, значит, Клара в нём ошиблась.

Оба умолкли. И тогда я покинула их.

Пусть прощаются без ненужных свидетелей.

Тихонько затворила за собой дверь, стараясь не всхлипнуть от тоски, которая разъедала изнутри.

В торговый зал вошла одновременно с новыми покупательницами. Те самые подружки, то и дело доносившие сплетни обо мне, которые распускала Матильда, начали говорить наперебой:

— Катрин, дорогая, — начала толстушка. Её звали Луизой, — нам рассказывают разные небылицы о твоих изделиях, но мы с Габриэлой не так глупы, чтобы верить на слово. Мы должны услышать это от тебя. И увидеть всё собственными глазами.

— Неужели в твоих кувшинах не киснет и не остывает молоко? — подхватила Габриэла. — А заваренный чай обладает целебными свойствами? Повитуха Соледад рассказывала, что её угощали пирогом в доме священника, когда та приняла успешно роды.

— Она говорила, и мы все это слышали, что как только повитуха отпила из чашки принесённый ей кофе, ей будто снизошло откровение. Она будто разом возвысилась и очистилась от греха. Так она описала своё состояние.

Я удивлённо скривилась.

Нет, ну это уже перебор. Как-то я и сама слышала от покупательницы, пришедшей за сервизом, что ей ну очень рекомендовали приобрести у меня посуду, так как она усиливает свойства приготовленных блюд и напитков. Обычная еда делается вкуснее, а чай и кофе бодрят и окрыляют сверх меры. Но чтобы очищать от греха...

Я покачала головой.

— Милые дамы, — проговорила я с усмешкой, — полагаю, в день принятия родов в доме священника благодать снизошла на Соледад совсем по другой причине. Скажу вам честно, я не пытаюсь специально заряжать свои изделия на сохранение продуктов или улучшение их качеств. Но подобное возможно, и отрицать этого я не стану. Магия, что копится внутри меня, проникает в керамику, испускается из рук, становясь её частью, и, как следствие, наделяет посуду волшебными свойствами.

Я пожала плечами, наблюдая восторг в глазах женщин.

— В таком случае, Катрин, я хочу купить у тебя кофейный сервиз и два кувшина, — заявила Луиза. — Если придётся ждать, то я первая в очереди.

— А я следующая, — подхватила Габриэла. — Будем ходить друг к другу на кофе и проверим, чей лучше бодрит.

Слушая их, я на какое-то время забыла о собственных неприятностях. И наивную часть души захватило вдруг убеждение, что так будет всегда. Я продолжу творческие поиски, и совсем скоро мои склянки и колбочки станут улуч-

шать свойства не только пищевых продуктов, но и лекарств.

Интересно, а на роль обезболивающего мои горшки сгодятся?

Чуть не рассмеялась, представив, как кто-нибудь засовывает в кувшин больное место. Не выдержала и всё-таки прыснула со смеху, когда вспомнила картинку в старенькой детской книжке Астрид Линдгрен «Эмиль из Лённеберге», где этот несчастный Эмиль супницу на голову надел.

Родился новый слоган:

«Гончарная мастерская Катрин.

Горшки, которые избавляют от боли»

И Эмиль с супницей на голове в качестве логотипа.

Всё, баста. Хватит страдать и поддаваться унынию. Я справлюсь со всем. Так или иначе буду продолжать работу. Даже несмотря на отсутствие матери и единственного неповторимого на горизонте жизни.

Вот с этой минуты и начну. А сколько уготовано землю топтать, так это никому не известно. А значит, всякую возможность нужно в дело пускать. Чтобы успеть достаточно, и чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Первым делом, воодушевив себя на свершения, я решила починить вывеску. Вернуть на место отвалившиеся буквы и заменить Франсуа на Катрин. Ведь теперь это моя мастерская. Она всегда принадлежала семье Бежон, куда отчим не вписывался. И его имя давно следовало вычеркнуть не толь-

ко из названия магазина, но и из памяти.

Я вышла на крыльцо, чтобы оценить масштаб работ. Требовалось узнать, куда обратиться, чтобы сменить вывеску, как её разместить и сколько это будет стоить. Погрузившись в размышления, я не сразу услышала шаги. Кто-то крался из внутреннего двора, и я насторожённо прижалась плечом к двери, надеясь не спугнуть того, кто лазит под моими окнами.

Совсем скоро из-за поворота показалась худощавая фигурка в сильно поношенном платье. Я не сразу узнала её. Со времени нашей последней встречи дочь пекарши Матильды, казалось, ещё больше исхудала. Озираясь по сторонам, она выглянула из-за стены, а когда увидела меня, чуть не закричала от испуга и кинулась бежать.

— Стой! — рявкнула я и, подхватив юбки, бросилась вдогонку. Но девчонка не остановилась. Она хоть и была хилой, догнать её оказалось задачей не из простых.

Погоня увенчалась успехом, лишь когда моя лавка почти совсем пропала из виду. Схватив беглянку за локоть посреди улицы, я чуть не уронила нас обеих на мостовую, не успев затормозить.

Встряхнула худую руку, притянула девчонку к себе и заглянула в перепуганные глаза.

— Какого чёрта ты делала у меня во дворе?!

— Вы не понимаете! — заговорила она дрожащим голосом. — Матильда хотела вас убить! Я помешала ей!

Мои брови съехались к переносице.

— О чём ты говоришь?

Вокруг уже собирались люди. Сцена быстро привлекала всеобщее внимание, и вот уже обитатели улицы перешёптываются, охая, вздыхая и строя предположения.

— У неё кукла! — взвизгнул кто-то. — Дозорного! Зовите дозорного! Эта девчонка ведьма и творит чёрную магию!

— Нет! — слёзы брызнули из огромных серых глаз на худом лице. — Это не я, мадам! Матильда хотела вас убить. Это её кукла! Её Я не могла допустить!

Она протянула мне предмет, сделанный, по-видимому, из ветоши и соломы. Выглядела игрушка жутковато и напоминала куклу вуду. Да и функции в себе несла примерно те же, если учесть, с каким ужасом на эту поделку реагировали люди.

Свист дозорного разбил многоголосье толпы, уже жаждавшей расправы.

Требовалось действовать решительно. И когда человек в шлеме и кольчужном доспехе с грохотом подошёл к нам, я забрала у девочки куклу и завела ребёнка себе за спину.

— Что здесь происходит? — грозно спросил полицейский.

— Покушение на убийство, офицер, — твёрдо ответила я. — Мать этой девочки применила в отношении меня чёрную магию, которая, как известно, запрещена. Ребёнок не дал злоумышленнице привести свой план в исполнение и по-

мог мне, представив доказательство. Дом пекарши в конце улицы. Действуйте, констебль.

Глава 17

Шепнув что-то подоспевшему товарищу, полицейский взял у меня куклу и, развернувшись, оба зашагали по указанному адресу. Я последовала за ними, как и половина улицы, готовая наблюдать зрелище.

Девочка семенила за мной, отставая на полшага. Покосившись через плечо, я спросила, всё ещё не веря до конца:

— Неужели это правда?

Девочка кивнула.

Немного замедлившись и поравнявшись с ней, я заговорила так тихо, чтобы зеваки не услышали.

— Полагаю, ты не знаешь, но наказание за использование запрещённых видов магии самые суровые. Тебе не жаль свою мать?

— Она мне не мать, — призналась девочка, не поднимая глаз. — Матильда — наша дальняя родственница по отцу. Когда умерла мама, он снова женился. И молодая жена велела ему избавиться от нас. Она ненавидела меня и Линара. Отец сначала был против, но потом сдался. Я не осуждаю его. Он каждый месяц присылает нам игрушки, одежду и деньги на содержание. Только...

— До вас ничего не доходит, — закончила я. — Тётка забирает и вещи, и деньги.

— За все три года, что мы живём здесь, мне досталось

лишь одно это платье. Всё остальное Матильда продала. С Линаром помогает соседка. Не знаю, что бы я без неё делала.

Девочка всё же посмотрела на меня, и я увидела, что она вот-вот заплачет.

Стало так жаль её. Боже, ну как можно вот так отдать родных детей неизвестно кому только из-за каприза молодой мачехи? Ясно, что в природе самцов хомосапиенс забота о потомстве не на первом месте, а родителей оторви и выбрось хватало даже в моём куда более цивилизованном мире. Но разум отказывался принимать подобное после детства, проведённого в приюте. Особенно после него. Ведь дети — это часть тебя, и обращаться с ними, как с надоевшей мебелью, по меньшей мере дикость.

Захотелось её обнять. Но я сдержалась.

Уняв порыв, спросила:

— Как тебя зовут?

— Адель.

— Спасибо тебе, Адель, — я всё же погладила её по голове. — Твоя смелость немного продлила мне жизнь сегодня.

Пока охваченная жаждой справедливости и любопытством толпа двигалась вдоль улицы, то тут, то там открывались двери и окна. Люди расспрашивали соседей, что случилось. А когда узнавали, заходились негодованием и примыкали к шествию.

— И давно твоя родственница практикует чёрную магию?
— спросила я Адель.

— Она никогда этим не занималась. Простолюдины не умеют колдовать. Но вчера поздно вечером к ней явилась какая-то дама. Знатная, судя по наряду. Я всё разглядела, хоть женщина и скрывалась под плащом.

Догадаться было несложно. У меня имелся только один вариант, кто бы это мог быть.

— И чего она хотела? — спросила я.

— Она дала Матильде тяжёлый мешок с монетами и пообещала ещё столько же, если всё получится. Эта женщина передала куклу и рассказала, что нужно делать. Куклу следовало закопать во дворе глубокой ночью, а днём провести ритуал. Я должна была как-то помешать Матильде. Но зелье, которое ей дала женщина, она носила при себе. Единственное, что я могла — отыскать куклу и унести её подальше. Но вы заметили меня.

— Думаю, это всё же к лучшему, — я положила руку на плечо девочки. — Прости, что сразу не поверила.

К моменту, когда до лавки пекарши оставалось несколько метров, собравшиеся шумели на все лады. Не хватало только вил и факелов.

Один из стражников поднялся по ступеням крыльца и требовательно постучал в дверь. Люди при этом одобрительно гудели, размахивая кулаками.

— Матильда Лозье! — рявкнул он. — Именем закона открывайте!

Исполнять приказ никто не торопился.

Мужчина снова забарабанил в запертую дверь. Да так, что, казалось, та сейчас рухнет с петель.

Когда раздался громкий шлепок, а следом детский крик, Адель схватила меня за руку. Её взгляд выражал ужас. И я уже догадывалась о его причине.

— Это Линар, — проговорила девочка и стала пробираться через толпу. — Он спал, когда я ушла!

Плач становился всё громче. А вскоре, удерживая мальчика подмышкой, будто поросёнка, Матильда, прихрамывая и опираясь на стену, выбралась из-за торца своего дома.

Красная и взбешённая, она бегала глазами по толпе, как затравленный зверь, и не выпускала кричащего ребёнка.

— Я сверну ему шею, если хоть кто-нибудь приблизится к нам! — проревела она, раздирая глотку, чтобы перекрыть Линара. — Дайте мне уйти! Тогда никто не пострадает!

В том, что Матильда способна убить, я не сомневалась.

— Не усугубляйте своего положения, мадам, — проговорил страж. — Вы сделаете себе только хуже.

— Пошёл к чёрту! — проорала женщина, брызжа слюной. — Я уйду и заберу с собой обоих. Где ты, маленькая дрянь?! Трусливая оборванка! Оклеветала меня ни за что! А ну, выходи! Посмотри мне в глаза! И это после всего, что я сделала для вас, щенки!

Она не видела, как задрожала девочка, скрываясь за спинами горожан. Адель боялась эту женщину.

— А ты думала о детях, когда продавала вещи и спуска-

ла деньги, которые присылал тебе на содержание их отец?! — спросила я, прорезая толпу и выходя вперёд. — Или скажешь, что Линар и Адель ни в чём не нуждались?

Я скрестила руки на груди, глядя с вызовом на Матильду. Увидев меня и заметив куклу в хватке стража, она растерянно заморгала. Но тут же опомнилась.

— Пошла прочь, ведьма! — завопила женщина. — Это она ведьма, констебль! Она творит магию и чуть не убила меня колдовством в прошлом месяце! Да-да! А теперь пытается свалить свою вину на невиновного! Опорочить честную женщину!

— Честные женщины не сбегают из дома через окна, прикрывая своё ничтожество ребёнком! Отпусти его немедленно! Или я устрою тебе правосудие прямо здесь и сейчас, как обещала тогда!

Толпа стала расступаться, а я уже горела изнутри, готовая убивать.

Проблемы? Нет, в моменты, подобные этому, я о себе не думала. Хотелось крушить и уничтожать всё гнилое и гадостное. И не было в ту минуту ничего более отвратительного, чем свинья в человеческом обличье, угрожавшая жизни маленького мальчика.

— Смотрите, люди! — надрывалась Матильда. — Смотрите, что она делает! Она же демон! Стой! Стой, где стоишь! Пожалеешь!

Матильда перехватила ребёнка и выставила его перед со-

бой буквально, как щит. Но меня было не остановить, а всё прочее, потеряло смысл. Я видела только этих двоих перед собой, и руки тянулись задушить гадину.

— Стойте, мадам! — донёсся голос Адель. — Прошу, не надо. Она убьёт его!

Я замерла. А когда повернула с усилием голову, стало ясно, что никого, кроме смелой девочки, рядом нет. Адель стояла ко мне ближе всех, тогда как перепуганные горожане жалась к противоположной стороне улицы. Даже стражники не решались подходить ближе.

— Я знаю, что вы ни в чём не виноваты, мадам! — проговорила Адель громко. — Одна богатая дама заплатила Матильде за то, чтобы она извела вас чёрной магией. Я слышала всё, каждое слово той ночью.

— Нет! — взревела толстуха. — Она всё врёт! Заткни свой грязный рот, мелкая дрянь!

Раздался вопль. Это Линар, извернувшись, укусил тётку за руку, и та ослабла, выпуская его, а женщина заорала от боли.

— Мерзкий выродок! Ну, держись!

Матильда уже готовилась кинуться на малыша, которого теперь бесстрашно закрывала собой сестра. Мой самоконтроль иссякал на глазах. И уже было всё равно, что будет. Одно-единственное желание управляло моими действиями в ту минуту — уничтожить врага. И я готовилась воплотить его. Ведь эта женщина собиралась убить не только меня. В

момент, когда пекло внутри стало невыносимым, а дрожащие руки потянулись к немывтым космам Матильды, случилось странное. Кто-то бесстрашно обхватил меня за талию и с силой оттащил назад. А окутанная внезапным сиянием Матильда, обмякла вдруг и медленно осела на землю.

— Дыши ровно, — услышала я недовольный голос Дамиана. — Она больше никому не навредит.

Глава 18

Он продолжал обнимать меня всё то время, пока констебли поднимали стонущую Матильду и, отдуваясь от тяжести ноши, усаживали её в повозку. Только когда экипаж патрульной службы увёз женщину, буря во мне окончательно улеглась и настигло осознание. Боже мой, а ведь я только что снова не сладила с эмоциями и чуть человека не убила. На глазах у всей улицы, стражей и командора инквизиции.

Сомкнула веки, бессильно облокотилась спиной на грудь мужчины.

— Знаешь, Катрин, — проговорил он мне на ухо, — идея запереть тебя где-нибудь и не выпускать с каждым новым происшествием кажется мне самой разумной.

— Эта женщина хотела меня убить! — возмутилась я и, обхватив предплечье мужчины, попыталась отстранить его от себя.

— И за это ты решила убить её на глазах у всех?

Язвительные интонации его голоса вызвали новую волну раздражения. Наплевав на звания и должности, я попыталась стукнуть командора, но получилось так себе. Нелегко было воздействовать на крепкую, натренированную мышцу. Вот ведь качок. Ещё и руку отбила. С недовольным видом потрясла ею.

Он всё же снизошёл до меня. И, не прекращая улыбаться,

разомкнул объятия, чем я и воспользовалась, не желая больше задерживаться рядом с этим человеком.

И всё же недавнее прикосновение его тела, как и взгляд синих глаз, я ощущала спиной всё время, пока спешила к детям.

Адель продолжала сидеть на земле и успокаивала плачущего брата. Подойдя к ним, я присела рядом, осторожно потянулась к мальчику. Ждала, что тот испугается после моего светопреставления. Но он продолжал спокойно сидеть на коленях Адель. А она ритмично покачивала его, обнимая худыми руками.

— Линара нужно показать врачу, — сказала я, заметив огромный синяк на ноге и ещё больше на спине ребёнка. — Матильда выпрыгнула вместе с ним в окно, и, судя по ушибам, приземлился он неудачно.

— Но доктор никогда к нам не приходил, — ответила девочка. — Я не знаю, что делать.

— Теперь он будет приходить регулярно. И у вас начнётся нормальная жизнь.

Адель удивлённо округлила глаза. В ту же минуту к нам приблизилась пожилая женщина с тёплым, добродушным взглядом, к которой тут же потянулся Линар.

— Мы что, останемся при пекарне? — спросила девочка, передавая ей ребёнка.

— Полагаю, больше вам некуда идти. Я стану вас навещать. Приносить продукты и вещи.

— Вас не бросят, — поддержала меня женщина. — Все соседи знали, в каких условиях живут эти дети. Мы помогали им и при Матильде. Хотя та готова была нас кипящим маслом облить за эту помощь. Теперь она не будет мешать. Если захотите, вы с братом можете переехать ко мне, Адель.

Я уже успела обрадоваться, если бы не голос у меня над головой.

— Исключено, — проговорил Дамиан. — Эти дети отправятся в приют. Таков закон.

Адель пришла в ужас и побледнев, в отчаянии закрыла руками лицо. Женщина, которая вызвалась ей помогать, обняла девочку.

Приют. Боже, я ведь лучше всех знала, что такое детский дом. И даже в двадцатом веке там зачастую творился ад, потому что никому не было дела до сирот. А здесь? Здесь всё наверняка обстояло ещё хуже.

— Нет, — тихо проговорила я. — Нет, Адель, вы не отправитесь в приют. Только через мой труп.

Решительно поднявшись на ноги, я развернулась к Дамиану.

— Я беру опеку над этими детьми, — заявила твёрдым тоном, не предусматривающим споров. — Куда идти, чтобы всё оформить?

Взгляд Дамиана из холодного превратился в колючий.

— Не знаю, откуда ты берёшь все эти формулировки, Катрин, — начал он. — Но если ты намерена стать приёмной

матерью для сирот, есть одна небольшая проблема. У тебя нет мужа. А чтобы взять на воспитание детей, тем более двоих, нужна полная семья. Мне жаль.

Я посмотрела на плачущих детей, затем на жестокого инквизитора, который, как он сам думал, всего лишь следовал закону и, поманив его в сторонку, спросила тихо, осознавая, что снова создаю себе неприятности:

— А ты не можешь хоть раз в жизни отключить машину правосудия и впустить человека? Просто закрыть глаза на то, что без твоего вмешательства останется целее и сохраннее, и, возможно, чуточку счастливее?

Дамиан выслушал, не перебивая, а затем склонился и логонько поманил меня к себе. Подалась. Хотя куда уж ближе?

— Я закрою, Катрин, и глаза, и уши на то, о чём ты меня только что попросила, — полился мне в уши до неприличного интимный шёпот. — Но если продолжишь в том же духе, камера инквизиции всегда открыта для тебя.

Он резко развернулся на каблуках и пошёл прочь. Я кинулась за ним, не поспевая и путаясь в юбках.

— Ты не понимаешь! — кричала ему вслед. — Ты даже представить себе не можешь, что ждёт этих детей в приюте для сирот! Не спрашивай, откуда я это знаю, но я знаю! Как никому мне известна изнанка мест, подобных этому! И если сейчас ты отправишь в приют Линара и Адель, ты сломаешь сразу две жизни!

Дамиан остановился так внезапно, что я на полном ходу

врезалась ему в спину.

И пока Сорель медленно разворачивался, уже многократно пожалела о своих словах. Но мужества не утратила и выдержала его взгляд.

— Ты права, — зло усмехнулся он. — В приюте действительно творятся гадкие вещи. Унижения, побои, наказания, которые не всякий в состоянии пережить. Никому нет дела до тебя, когда тебе плохо и ты молишь Духов лишь о том, чтобы те даровали тебе избавление от мук, забрали к себе. Но они не спешат, а потом приходит новый день, и всё начинается сначала, — Дамиан сглотнул, глядя теперь в пустоту поверх моей головы. — И единственная радость во всём этом, когда о тебе забывают. В этом безразличии можно хотя бы немного перевести дух.

Я едва не всхлипнула, изумившись знакомым ощущениям и воспоминаниям.

Догадка поразила.

— Ты воспитывался в приюте? — спросила осторожно.

Дамиан кивнул. И следом за чистосердечным признанием проговорил:

— Дом сирот — это школа жизни, Катрин. Если человек выходит оттуда живым и не покалеченным, его уже ничто не сломит.

Мужчина продолжил путь. Но я не отставала.

— Послушай, — начала, пытаясь обежать его и заглянуть в лицо, — но что если они не справятся? Неужели тебе не

жаль их?

— Жалость — чувство, которое давно следовало запретить законом.

Я не выдержала и прокричала, обгоняя его и тыча в грудь кулаками, чтобы остановился. Он остановился.

— Ты невыносим! Зная всю эту систему изнутри, ты даже не пытаешься помочь! Линар ещё совсем маленький, а Адель... Она же девочка! С ней что угодно могут сделать! Неужели ты настолько очерствел, работая в этой чёртовой системе, что тебе плевать на всё и на всех?!

Я взвизгнула, когда Дамиан подхватил меня за лямки сарафана, приподнял над землёй и упёр спиной в стену ближайшего дома. Наверное, впервые наши лица оказались на одном уровне, но радоваться я не спешила. Пламень в глазах инквизитора пугал.

— Ты предлагаешь мне нарушить закон? — спросил он, обдавая лицо своим тёплым дыханием. — Ты настолько глупая или настолько бесстрашная, Катрин?

— Я просто не могу всё так оставить! — пропищала, пытаясь нащупать ногами опору. — Я должна успеть сделать что-то хорошее для этих детей, пока могу, пока меня ещё носит земля. Потому что осталось недолго.

Дамиан рвано выдохнул и медленно поставил меня на землю. Только после этого он отпустил мой сарафан и даже погладил его, расправляя заломы. Но свободу я так и не получила. Когда ладони упёрлись в стену с двух сторон от мо-

его лица, мужчина спросил:

— О чём ты говоришь?

— О том, что я не справилась. Найти достойного мужчину оказалось не так просто. А последний приступ меня едва не убил. Но не нужно запира́ть меня. Я не стану выходить из дома, и когда придёт время, магия просто рассеется в воздухе.

— И ты так спокойно об этом говоришь? Ты только что собиралась стать приёмной матерью для малолеток.

— Ну да, признаю. Вспылила и не подумала. Но ты вынудил меня действовать решительно! А теперь я уверена, здесь без меня обязательно найдутся соседи, готовые принять детей. Им многие помогали.

— Неделя, — неожиданно бросил Дамиан.

— Что?

— У вас есть неделя, чтобы найти им семью. И если за это время вы не справитесь, детей заберут.

— То есть ты, — я осеклась, ощутив, как опасно ошети́лся мужчина, нависая надо мной. — Спасибо, Дамиан.

Он не ответил. Оттолкнувшись от стены, инквизитор развернулся и продолжил путь.

— Дамиан! — позвала я, уже жалея о своём порыве. Но было поздно. Мужчина остановился. — Покупатели убеждают меня, что кофе, выпитый из моей посуды, очень вкусный и бодрит необычайно. согласи́шься заглянуть на чашечку? Я ведь всё равно собиралась тебя позвать, если помнишь.

На меня посмотрели с такой смесью восторга и удивления,

что я заулыбалась, сжимая внутри себя прорывающийся хот.

— А не боишься? — мужчина поставил руку на пояс.

Я поравнялась с ним.

— Мне уже нечего бояться, Дамиан Сорель. И уж если делить с кем-то трапезу, то только с тем, кто готов жертвовать ради блага других. Сегодня ты сделал то, чего я на твоём месте вряд ли бы осмелилась сделать. И лучше не спрашивай, что я имела в виду. Просто знай это. А теперь пошли.

Глава 19

Дом встретил нас ворчанием Пауля, выходявшего из мастерской. Когда из-за плеча старика выглянул Роже, оба испуганно замерли.

— Катрин, — осторожно заговорил Пауль, — что-то случилось? Неужели вас снова арестовывают?

— О, нет-нет, — усмехнулась я. — Всё хорошо, друзья. Господин Дамиан сегодня наш гость. Он очень помог мне в одном деле, и чашка кофе — меньшее, что я могу предложить ему.

Старик смущённо почесал затылок.

— Что ж, — сказал он. — Тогда мы пойдём. Я вдруг вспомнил, что у нас ножи давно не точены. Надо их мастеру отнести. А ты, Роже, сходи-ка к Мио Чжо за синей краской.

— Но дядя, у нас этой краски...

— На доньшке! Мало, мало краски, тебе говорят! — Пауль пихнул парня локтем в живот, чтобы до того быстрее дошёл намёк, хоть я и не настаивала на их уходе. Как раз наоборот.

И всё же старик, прихрамывая и не переставая кланяться Сорелю, покинул нас, преследуемый племянником, который недоверчиво поглядывал на моего спутника. И когда мы с Дамианом остались одни, пришла моя очередь смущаться под пристальным взглядом инквизитора.

— У тебя толковые работники, — сказал он, проходя в зал и останавливаясь посередине.

— Не знаю, как бы со всем справилась без них.

— И это всё твоих рук дело? — он оглядел стеллажи, заставленные керамикой разных форм, размеров и цветов.

— Большую часть изготовил Пауль. Я ещё только учусь.

Раскрыв столешницу прилавка, я дождалась, когда инквизитор оторвётся от созерцания, чтобы продолжить путь. Подойдя ближе, он облокотился на препятствие и сощурился, блуждая по мне своим фирменным взглядом, порождавшим каскад мурашек во всём теле.

— Слухи, что посуда из вашей мастерской творит чудеса, давно меня настигли, — сказал Дамиан. — Продашь кувшинчик?

— Подарю от чистого сердца, господин реквизитор. Вот только свойств посуды я сама не знаю, пока её не начнут применять. Поэтому будет сюрприз. Готов рискнуть?

Дамиан рассмеялся. Да так искренне, что мне самой захотелось улыбаться, глядя на него. Не знала, что он может быть настолько милым, а его опасная привлекательность не такой демонической.

— С твоим появлением в моей жизни рисков стало больше, чем когда-либо, Катрин. Поэтому, да, я готов рискнуть. И очень надеюсь, меня не засосёт в твой кувшин, и я не превращусь в джинна из детских сказок, обречённого вечно исполнять желания.

Не знаю, чему я удивилась больше, фантазии инквизитора или тому, что и в этом мире имелись истории с известным мне сценарием.

Я долго пыталась распробовать вкус приготовленного кофе и понять, что такого особенного находят в нём покупатели. Ну не открывались мне дивные свойства продукта, соприкоснувшегося с заряженной керамикой, сколько бы я ни изводила напиток. Наверное, в этом не было ничего удивительного, ведь я сама являлась источником магии и распространяла её для других. Но всё же в попытке доискаться истины в тот день выпила аж три чашки, всякий раз добавляя в питьё то корицу, то кардамон, то жгучий перец. На последнем эксперименте скривилась и закашлялась.

— Какая гадость, — я отставила чашку и заозиралась в поисках стакана с водой.

Сердечная мышца уже намекала непрозрачно головокружением и ускоренной пульсацией, что энтузиазм мой того не стоил.

Дамиан сидел напротив меня в тесной кухне и насмешливо следил за моими манипуляциями, поглаживая гладко-выбритый подбородок. Его сюртук был расстёгнут, открывая вид на тонкую рубашку, едва скрывающую внушительную мускулатуру мужчины.

Кофе, приправленный кардамоном, выпит был наполовину.

— Ну что скажешь? Как ощущения? — спросила я. —

Слухи не врут?

— Не врут. Никогда ещё я не пил настолько вкусного кофе. Даже в посольствах восточных королевств.

Я довольно заулыбалась.

— Благодарю. Оценка выше всяких похвал. Тогда пошли кувшин выбирать?

— Куда-то торопишься?

— Если честно, да. Скоро набегут покупатели.

— Но пока их нет.

Инквизитор поднял чашку и поднёс её к губам, не прекращая следить за каждым моим движением. И да, меня снова в жар бросило. Но не как во время приступов. Иначе. А форточек единственное окно в кухне не предусматривало! К несчастью.

— Значит, тебе недолго осталось, — проговорил он со странной интонацией в голосе. — Решила больше не искать?

Я откашлялась.

— Не хочу. Потому что, даже если и встречу кого-то, это всё равно будет нечестно, понимаешь? Мы оба должны прийти к тому, чтобы всё случилось, и довериться должна не только я. Он тоже рискует. Никто не знает, как поведёт себя сила. Вдруг она решит, что человек мне не подходит или я, испугавшись боли, не так себя поведу, и сила опять неверно поймёт. Ой, короче, всё. Не хочу об этом говорить. Я просто буду здесь. Буду работать, сколько ещё отведено, и закончу свой бранный путь, растворившись в воздухе, как русалочка

в пене морской.

— В муках.

— Ну вот не надо! Любишь ты по больному бить.

— Просто ты слишком быстро руки опустила. Я считал, ты сильнее духом.

— Если бы всё зависело только от меня! — не выдержала я, стиснув кулаки. — Мог быть и другой способ облегчить бремя. Благословение матери. Но я не смогла бы получить его, даже если бы каким-то чудесным образом связалась с ней в загробном мире.

Мужчина отставил чашку. Подавшись вперёд и ловя мой взгляд, он спросил требовательно:

— Откуда информация?

— Знакомая ведьма поделилась.

— Подробнее.

Ага, ну да, сейчас я тебе расскажу о сеансе некромантии на кладбище, а потом нас с Роже закроют. Импровизируй, Аня.

— Я нашла дневник матери в бумагах, где она признавалась, что неродная мне, — начала я сочинять, — что под дверью их с отцом дома кто-то оставил корзину с младенцем. И если даже эта женщина жива, при всём желании найти её я не смогу.

— С чего ты взяла?

— Я же не сыщик.

— Мне удалось узнать, кто были мои родители.

— Сравниваешь, — усмехнулась я. — Ты профессиональный ищейка. Но подожди, — притормозила я, осенённая сказанным. — Ты узнал родителей? И кто же они?

— Оба уже на том свете, — заговорил Дамиан с ленцой, которой стремился прикрыть незажившую душевную рану. — Они любили друг друга, но оба были в браке. Муж моей матери убил отца на дуэли. А её выгнал потом из дома, вынудив отправиться в монастырь. Там она скончалась в родах.

— Мне так жаль.

— Да, всё грустно, — Дамиан отвёл взгляд и вздохнул тяжело. — В семье моей матери были сильные воздушные маги, и я получил хотя бы дар. Он и помог мне пробиться в жизни без звонкой фамилии.

— Не думаю, что дело в одной лишь магии. Насколько я успела тебя узнать, ты умеешь мыслить хладнокровно и решения принимаешь справедливо, а не только исходя из сухого списка статей законов. Баран, наделённый властью и не способный отступить от правил — горе для всех, кто подчинён ему.

Мужчина слегка поморщился и качнул укоризненно головой.

— Ты мастерски умеешь льстить.

— Даже не думала!

— Ну конечно. Хорошо, так и быть. Уговорила. Найду твою мать.

— Я этого не просила!

— А, то есть мне не искать?

— Ты невыносим! Всё, выбирай горшок и уходи. У меня работы полно. У тебя тоже.

— Я могу ещё задержаться. Тут хорошо.

— Мне тебя кормить нечем. На одном кофе далеко не уедешь.

— Научи делать горшки.

— Что?! — ахнула я, раскрыв рот.

— Ты слышала, — он откинулся на стуле и по-хозяйски положил ногу на ногу. — Давно хотелось, знаешь ли, попробовать себя на гончарном круге. Говорят, успокаивает.

Я с минуту его гипнотизировала в надежде, что инквизитор шутит. Как я его стану учить? Сама ведь ещё не всё могу. Но решительный взгляд не терпел споров. И допив кофе, Дамиан спросил:

— Ну же? Чего мы ждём? Поспеши. А то скоро покупатели нагрянут.

Я молча поднялась. Одарив мужчину высокомерием, на какое только была способна, я обошла стол и махнула ему, чтобы шёл следом.

Глава 20

Когда мы оказались в мастерской, мужчина закрыл за собой дверь и уверенным движением стащив сюртук, небрежно поместил его на гвоздике, вбитом в стену. И хоть я старалась сохранять невозмутимость, скрестив руки на груди, вид на едва прикрытый тонкой тканью торс мужчины слегка нарушил ритм дыхания. Да и сердцебиения. Чего уж. Или это от кофе?

Дамиан внимательно оглядел скудное убранство комнаты. Подойдя ближе к кругу, заглянул под стол и, заметив привод, несколько раз качнул его ногой.

— А ну тут всё понятно, — сказал он. — Крутишь педаль, формуешь материал.

— Да вообще ерунда на самом деле, — ответила я не без сарказма. — Полагаю, урок окончен.

Дамиан улыбнулся, покачал головой и поманил меня.

Я закатила глаза в попытке скрыть за высокомерием, как сильно волнуюсь, находясь в тесном помещении наедине с этим мужчиной.

Встав плечом к плечу с инквизитором, зачем-то поправила волосы, которые этого не требовали, и абсолютно ровный подол платья. Не переставая ощущать на себе пристальное внимание, зачерпнула глину и положила влажный ком в центр круга.

— Смотри, — я уселась на стул и приняла удобное положение. — Сейчас я запущу круг, и пока он будет двигаться, начну придавать глине форму. За счёт постоянного вращения изделие должно получиться симметричным со всех сторон.

Маховик заработал, приводя в движение круг. На минуту я даже забыла, что не одна в комнате, и так увлеклась, что почти полностью собрала предмет, похожий на амфору. Конечно, его следовало ещё очистить изнутри от излишков материала. Но не это было главной целью в ту минуту. Покосившись на Дамиана, я поняла, что руки мои волновали его меньше всего. Облокотившись на спинку стула, мужчина бесстыже рассматривал меня. Даже не меня, а декольте, в котором от частого дыхания сама собой предательски покачивалась грудь.

Поймав его взгляд своим недовольным, я дождалась, когда внимание инквизитора переползёт к моему лицу, и сказала:

— Садись.

Он опешил.

— Куда? Зачем?

— Ты хотел научиться работать с глиной, так, пожалуйста.

Я подскочила с места и, не дав Дамиану опомниться, за неимением чистых рук, пихнула его локтем в направлении стула.

— Давай-давай, — не унималась я. — Учёба без практи-

ки — пустая трата времени. Вот так, господин инквизитор. Вперёд осваивать мастерство.

— А фартука у тебя нет? — недовольно спросил Дамиан, усевшись на моё место. — Мне ещё на службу возвращаться.

— Наколдуешь себе чистое.

— Моя магия так не работает.

— Раньше надо было думать, — проговорила я, заглядывая ему в лицо с победной улыбкой. — Важно понять главное, Дамиан, глина — материал благородный. Ты им не испачкаешься, ты к нему приобщишься. А теперь, раз все всё поняли, прошу. Приступай.

Мне определённо нравилась его эта растерянность. Сорель явно не ожидал инициативы с моей стороны. И теперь всерьёз боялся испачкать свою идеально выстиранную и выглаженную рубашку, а также дорогие брюки глиной. Но никто за язык командора не тянул, когда тот просился обучить его азам гончарного дела.

Изобразив недовольство, инквизитор засучил рукава и, размяв свои изящные длинные пальцы, в последний момент снял массивное кольцо с одного из них, отложил его в сторону и осторожно коснулся глины.

Брезгливое выражение его лица при этом вызвало у меня усмешку.

Круг медленно завращался. И, преодолевая себя, мужчина сомкнул пальцы на комке непослушной субстанции.

— Отлично, — проговорила я. — Теперь направляй ма-

териал, чтобы придать ему нужную форму.

— А какая должна быть форма? — спросил он, напряжённо водя пальцами по влажной поверхности.

— Об этом следовало подумать заранее. Но в твоём случае лучше будет поддаться вдохновению и отпустить контроль. Позволь творческой энергии управлять процессом.

Инквизитор хмыкнул.

— Предпочитаю управлять всем самостоятельно.

Он сосредоточенно всматривался в бесформенный ком, что вращался под его руками, скользил по пальцам, и я узнавала в его положении, в склонённой набок голове, в напряжении, сквозившем от мужчины себя в первый день. Ему не нравилась неспособность контролировать процесс, отсутствие навыка и опыта. Даже больше. Его это злило. Как и меня тогда. Но больше всего инквизитора раздражал мой зудёж над ухом. Чем я не могла не воспользоваться.

— Не спеши, — с наслаждением всезнайки повторяла я слова Пауля. — Глина всегда сопротивляется, и чтобы обуздать её, нужно прочувствовать это ощущение, запомнить его. Поймать баланс, войти в ритм с движением круга сможешь только ты.

Я даже попыталась направить руки инквизитора, но для этого мне требовалось его обнять со спины и положить свои ладони на его. Однако как бы я ни старалась, проделать это не представлялось возможным. Я физически не могла обхватить его широкую спину так, чтобы задействовать в работе

обе свои руки.

— Ты ещё долго будешь тереться о меня грудью, Катрин?

— спросил он недовольно. — Я, вообще-то, не железный.

— Было бы легче, не будь ты таким огромным.

— Ну уж какой есть. Хотя подожди. У меня возникла одна идея. Должно сработать.

Интонации его голоса мне не понравились. Но прежде чем я успела уточнить, инквизитор убрал руку от глины, завёл её себе за спину и обхватив локтем мою талию, потянул вперёд. Мгновение, и я, не успев среагировать, сижу у него на коленях. А с двух сторон мне закрывают пути к отступлению мощные ручищи.

— Вот так гораздо лучше, — прошептал он мне на ухо, взъерошивая дыханием волосы у виска.

— Пусти меня! — пропищала я испуганно.

— Ну уж нет. В таком положении я готов учиться хоть весь день. Так что ты там говорила о сопротивлении, которое нужно обуздать, и о ритме, в который неплохо бы войти, м?

Теперь он накрыл своими руками мои и окончательно поймал в западню. Круг вращался, а влажная субстанция, проникая сквозь наши пальцы, совсем растеряла форму. Но оторваться от неё не было сил. И дело даже не в тёплых ладонях мужчины, на моих руках. Глина будто бы дышала тяжело и рвано в ритм нашему дыханию и становилась частью нас, вбирая в себя этот волнующий накал.

Жар разливался по телу, солнечное сплетение пылало. Но

боли не было. А когда все чувства сжались в комок и осели где-то в том самом месте, каким я сильнее всего прижималась к мужчине, сладостная судорога сковала меня.

Нежность. Настоячивая, вязкая, податливая и трепетная окутывала прикосновениями, теплом его дыхания и пьянящим ароматом, лишая возможности мыслить трезво.

Пальцы Дамиана впились в мягкую текстуру, заставляя и мои провалиться в неё, оставляя глубокие борозды. Круг медленно остановился, когда я почувствовала обжигающий поцелуй у основания шеи и шершавые ладони, что оставляли теперь следы полусохшей глины, пробираясь всё выше вдоль моих рук.

Ох, зря. Зря мы это всё затеяли.

Дамиан осторожно обнял меня, разворачивая руку тыльной стороной, чтобы не испачкать платье. Но порыв его безудержного желания выдал новый, ещё более настойчивый и собственнический поцелуй, которым мужчина пометил нежное место у меня за ухом.

— Остановись, — взмолилась я.

— Зачем? Ты пламенеешь не меньше меня. Я это чувствую.

— Это ничего не значит!

— Тогда ещё раз попроси. Попроси так, чтобы я остановился.

Он всё же коснулся большим и указательным пальцами моего подбородка, разворачивая лицом к себе. Когда наши

взгляды встретились, я поняла, что пропала.

— Так нельзя, — проговорила я ему в губы. — Ты рискуешь.

— Ты тоже, — Дамиан жадно оглядел меня. — За убийство главы инквизиции тебя по головке не погладят. Но я всё предусмотрел, поэтому можешь не волноваться.

На последнем слове он закрыл мне рот самым сладким, невысказанным и горячим поцелуем, каких ещё не было в моей жизни. Всё внутри разом опалил пожар, который ни у меня, ни у мужчины, который терзал теперь мои губы и ласкал шершавыми после глины руками кожу, не находилось сил потушить.

Подхватив меня под бёдра, Дамиан легко поднялся, чему стоило лишь удивляться. Хотя в состоянии, что овладело им в ту минуту, он мог, наверное, стену проломить, вместо того чтобы воспользоваться дверью.

Дамиан хотел меня, я до безумия желала его, осознавая это каждым миллиметром кожи. И когда почувствовала полную опору, первым делом обхватила ногами торс мужчины, позволяя ему новый поцелуй.

Он усадил меня за залитый светом подоконник, не прекращая прижимать к себе с удушающей силой, заставляя задохнуться от желания.

Можно ли опьянеть за считанные секунды без вина?

Похоже, что да. Но для этого рядом должен быть тот самый, от которого мурашки, бабочки, сладкое натяжение вни-

зу живота и восторг от прикосновений и поцелуев, которым нет счёта.

Боже, меня никто и никогда так не целовал и не обнимал. И я не желала, чтобы Дамиан останавливался. Его властный язык у меня во рту и руки на моих бёдрах были необходимы мне больше, чем воздух.

Но я была бы не я, если б не испортила момент.

— Дамиан, — он лишь промычал невнятно в ответ на мой стон, — я не могу. Если ты погибнешь, я не прощу себе.

Он нехотя оторвался, прерывая дорожку поцелуев, которые уже почти перешли с ключицы на грудь. Взгляд мужчины, которым он меня одарил, вызвал непреодолимое желание перекреститься.

— Замолчи, Катрин. Просто доверься мне, — проговорил он, сменяя обеими руками кожу под юбкой. — И вот ещё, — он отдышался. — Это важно. Знай, мне не нужна твоя сила. Я это делаю не из алчности.

— А из чего? — догадка больно кольнула где-то на уровне сердца. — Из жалости? Тебе жаль меня, не так ли?

Мужчина прекратил гладить меня и моргнул.

Боже, какая же я дура. И почему сразу не догадалась?!

Дамиан собрался с мыслями, но было уже поздно. Магия момента чудесным образом улетучилась, а я, сидя на подоконнике в мастерской, испытывала теперь такое унижение, какого никогда прежде не испытывала.

Он решил взять меня из жалости. Нет, желание тоже при-

существовало, я ну очень хорошо ощущала, как оно буквально прорывается сквозь плотную ткань брюк. Но это дела не меняло. И так гадко стало вдруг на душе, что защипало в глазах.

Я подалась назад, уводя взгляд и пытаюсь поправить платье на груди.

— Уходи, — потребовала как можно твёрже. — Я ценю твоё стремление помочь. Но жертву принять не готова.

— Катрин, — объятия стали крепче, а потемневший взгляд таким проникновенным, что слеза всё же сорвалась с ресниц. — Ты не поняла. Я не хотел тебя обидеть.

— Знаю. Но всё выглядит так, как выглядит, и мне потом жить с этим, если всё закончится хорошо. Ну а если плохо... Нет, я даже думать об этом не хочу. И ещё раз повторяю, не нужно жертв. А теперь уходи, пока не стало слишком поздно, Дамиан.

Я нервно отёрла мокрую щеку.

Мужчина отпустил меня. Нехотя отстранившись, он с минуту молчал.

— Зная, как всё обстоит в твоём случае, Катрин, чего ты ждёшь? Романтичной сказки? Прости, но её не будет. Поверь, это было тяжёлое решение, и оно сулит опасности. Для обоих. И если у меня готово оправдательное письмо, где я полностью признаю ответственность за свои действия в случае собственной гибели, то тот, другой, который, возможно, появится в твоей жизни, станет новой жертвой. Если дар его

не примет.

— Всё верно. Но кое-чего ты не учёл, Дамиан. То самое тяжёлое решение должны принимать двое. Ты же не спрашивал меня, готова ли я увидеть твою смерть и нести её на себе камнем до конца дней. Поэтому очень тебя прошу. Хватит меня спасать. Если, конечно, ты помогаешь мне, а не пытаешься защитить мир от проблемной магички. Хотя и в этом случае мне твоя помощь не требуется. Свои планы на будущее я тебе уже выложила, и отступать от них не намерена.

Дамиан не ответил. Протянув руку, он сорвал с гвоздя сюртук и щёлкнул пальцами. В ту же секунду перед ним раскрылся портал, заставляя меня отшатнуться.

— Вообще-то, здесь есть дверь, — сказала я, наблюдая намерение мужчины испариться сей же час.

Скользнув по мне взглядом, в котором имелось достаточно невысказанных слов, инквизитор кивнул:

— Боюсь, очередь у твоего магазина слишком буквально воспримет моё присутствие. Ты ведь этого не хочешь. Прощай, Катрин.

Он шагнул в пространственную воронку, которая мгновенно захлопнулась за ним. Я же ещё с минуту недоумённо таращилась на пустоту, которую оставил после себя мужчина.

Что ещё за очередь?

Толкнув дверь мастерской, я вышла, а когда увидела через стекло людей на крыльце, нахмурилась. Заметив меня,

одна из женщин приветливо помахала, заставляя и других оживиться.

Я вышла к ним, и только тогда вставленный между стеклом и рамой двери плотный листок картона с надписью «Перерыв», упал к моим ногам.

Ахнула.

То, что это было дело рук Пауля, я даже не сомневалась. Вот же дальновидный малый. Сама деликатность, ей-богу. И ведь он лучше меня знал, чем могло закончиться наше с Дамианом интимное свидание.

Глава 21

Тем вечером я особенно долго расчёсывала волосы перед отходом ко сну и не спешила заплетать косу. Рассматривая своё отражение, я думала о событии дня, едва не ставшем роковым. Никакие другие мысли почему-то не шли в голову.

Неужели Дамиан был готов пожертвовать собой? Зачем? Ему, что, настолько жить надоело? Он был таким страстным, так горячо и так пламенно целовал. Это не похоже было на притворство, да и тело моё всё ещё помнило его прикосновения. До безумия интимные и будоражащие.

Не бывает такой искренности, если жалость — единственный мотив, и человек действует в интересах другого в ущерб собственным.

Ведь если подумать, Дамиан выручил меня. Снова. Помог с детьми, хоть это и противоречило его принципам и положению. Сколько я его знаю, он постоянно мне помогал, и невольно напрашивалась мысль, которая давно меня терзала.

Что если Дамиан и есть тот самый? Но ведь он такой жуткий бабник. И никак не сможет стать для меня единственным, кому можно довериться беззаветно.

Скрутив косу, я приблизилась к кровати и, откинув одеяло, присела на её край.

Хотелось бы мне, чтобы Дамиан был здесь сейчас?

В иных обстоятельствах, боюсь, между нами давно бы уже случилось что-нибудь. Одно из трёх: либо самая страстная из возможных близость, либо я бы его придушила, либо инквизитор сжёг бы меня на костре.

С этими мыслями плюхнулась на подушку и обняла одеяло. А проснувшись утром, едва инфаркт не словила. Кто-то хихикал прямо у меня над ухом. Перепугавшись и запутавшись в одеяле, я эпично свалилась на пол, отбив пятую точку.

— Клод! — прокричала на всю комнату, увидев паука, зависшего над подушкой. — Ты совсем дурак?! Разве можно так пугать?!

— Прости, — паук умудрился пожать плечами. — После слов «Дамиан, милый, возьми меня, я вся пылаю» уже не мог сдерживаться.

— Что?! Я не говорила такого!

— Говорила, да и не такое. Жаль, я не умею транслировать. А то дал бы тебе послушать.

Я поднялась и швырнула ком одеяла на постель за секунду до того, как паук ловко вскарабкался по паутине, уклоняясь от снаряда.

— Ты всё врёшь! — заявила, тыкая пальцем в нахала. — Мне даже не снилось ничего подобного! Ты просто вчера подслушивал нас! Вот и решил поиздеваться!

— Хочешь верь, хочешь нет, но ты разговариваешь во сне, Катрин. И это уже не первый раз. На прошлой неделе я все-

рьёз подумывал позвать Пауля, чтобы тот обратился к священнику. Ты говорила очень странные вещи и походила на одержимую бесами. Мне до сих пор жутко делается, когда вспоминаю.

Сглотнула нервно.

— И что же я говорила?

— Сейчас, — паук покашлял. — «С учётом фактов, исследованных в судебном заседании, суд назначает вам наказание в виде двадцати лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима». Потом ты стукнула кулаком по матрасу и продолжила: «Приговор может быть обжалован в установленном законом порядке в течение десяти суток со дня его провозглашения».

Я ощутила, как у меня перекосило лицо и несколько раз веко дёрнулось.

Господи, это же как можно было всё это во сне продекларировать, а главное — запомнить слово в слово?!

— Какая бредятина, — проговорила я, упавшим голосом. — Я что, правда спала в это время?

— По крайней мере после того, как выпалила всё это, ты засопела.

— И часто я вот так говорю?

— Не особо. Но случается.

Ох ты ж божечки, этого ещё не хватало.

Застелив постель и наспех собрав волосы в пучок, я наведалась к тайнику Франсуа. Требовалось прикупить продук-

тов и необходимых мелочей в дорогу для Роже и Марион, которые этим вечером собирались покинуть королевство.

В голове всё ещё не укладывался их спланированный, но всё же довольно внезапный уход. Я переживала за обоих. Да что там? За всех троих переживала вместе с ещё не родившимся ребёнком. И ведь когда они уйдут, я даже не узнаю, как сложилась их затея и как они устроились в случае успеха. Сомнительного, надо сказать, успеха. Ведь за лесом, в драконьих скалах их ждало бы не меньше опасностей.

День выдался особенно жарким. По пути к мясной и овощной лавкам я встречала соседок, которые наперебой рассказывали об изменениях в жизни Адель и её брата. Семья, готовая принять их, отыскалась почти сразу, чему я невероятно обрадовалась. Ну что ж, хоть у кого-то всё складывалось по справедливости.

Возле лавки Флоры встретила хозяйку и заулыбалась ей. Облачённая в перчатки, садовый фартук поверх платья и платок, стягивающий на затылке непослушные волосы, она приводила в порядок кусты возле крыльца, а у её ног, обутых в громоздкие сапоги, уже выросла внушительная куча веток.

— Флора, дорогая, — заговорила я, приблизившись, и оглядела девушку. — Тебя не узнать, — хозяйка цветочного магазина тяжело вздохнула. — Что-то случилось?

— Определённо, — заявила Флора и, отложив секатор, отёрла взмокший лоб. — Определённо что-то случилось или скоро случится. Понять бы, что именно.

Она продолжала задумчиво смотреть на куст, и готова поклясться, я увидела, как крайняя ветка на глазах иссохла на треть за считанные минуты.

— Природа страдает, — заключила девушка, бессильно усевшись на скамейку и опустив голову. — Я делаю, что могу, но своими силами не справляюсь. И понятия не имею, что происходит.

Я опустилась рядом с ней.

— И, как назло, в лес не пробиться сейчас. Опасность на каждом шагу.

— А что в лесу? — спросила я.

Флора удивилась.

— Как что? Древо жизни. Оно и его поросль питает растительный мир нашего королевства и округи за его пределами. Много лет так и было. Но теперь Древо взывает, хочет о чём-то сообщить. А я даже приблизиться к нему не могу, чтобы узнать, что случилось.

— А там, в лесу, фей не осталось?

— Если и остались, то ними нет связи. Все каналы между лесом и городом заблокированы из-за опальной ведьмы.

— Но кое-кто совсем недавно общался с его обитателями, — нехотя призналась я.

— Кто? — изумилась Флора. — Это невозможно.

— Оказывается, возможно. Когда оставляешь записку под корнем мёртвого дерева на окраине, на неё отвечают. Попробуй. Вдруг получится что-нибудь выяснить.

Подруга недоверчиво нахмурилась. Но задать новый вопрос не успела. Неприятный запах жжёной пластмассы и тухлятины ударил в нос, прежде чем худой, высокий мужчина заслонил собой солнце.

Приложив руку ко лбу от света, я увидела знакомую рыжую шевелюру, окаймлявшую лицо. Назвать это лицо недовольным — никак не назвать. Измученный, растерянный и полный отчаяния Марсель Корро был сам на себя не похож.

— О ля-ля, — усмехнулась Флора. — Месье капитан. А я не накрашена. Чего пришли?

— Уберите. Это. Немедленно, — проговорил мужчина. — Я не сплю уже третью ночь.

— Печально. И всё же, как бы мне ни было жаль вас, прежде чем снять цветок, я должна убедиться, что вы усвоили урок.

Марсель стиснул зубы и сжал кулаки. Казалось, он вот-вот взорвётся потоком брани, не стесняясь слов и не подбирая выражений. И вот когда лицо мужчины покрылось красными пятнами, Корро чуть слышно выдавил из себя:

— Прошу меня простить.

— Чего-чего? — Флора театрально прижала ладонь к уху. — Не расслышала.

— Вы всё слышали, — Марсель пыхтел как бешеный бык на корриде.

Подруга повернулась ко мне.

— Ты слышала, Катрин? — спросила она.

Я отрицательно покачала головой.

— Нет, месье, мы не слышали. Поэтому сожалею. Ничем не могу помочь.

— Прошу меня простить! — рявкнул мужчина и схватился за голову. Ужас в его глазах поверг меня в изумление, и я всерьёз готова была бежать за доктором. Но рука Флоры на моём колене вынудила остановиться.

— Всегда бывает непросто идти наперекор привычкам, — сказала она и поднялась. — Как вы себя чувствуете, Марсель?

Тот вздрогнул, когда её рука легла ему на плечо и испуганно уставился на девушку. Цветка в петлице уже не было. Аромат тоже развеялся.

— Что вы сделали? — спросил он.

— Ничего. Это вы всё сделали, и я очень вами горжусь. Хочется верить, вы не станете арестовывать меня за эту шалость. Сами видите — столько дел. Кроме меня с ними никто не справится.

Марсель покачнулся.

— Не стану, — сказал он, облегчённо ощутив петличку и сомкнув веки. — Голова болит. Никогда так не болела.

— А вот здесь я уже ни при чём, месье, но у меня имеется потрясающая настойка орехов кактуса рапсиланы. Прекрасный обезболивающий препарат. Могу угостить.

Она так лучезарно улыбнулась, что я залюбовалась.

— Благодарю, — проговорил Корро, явно не узнавая те-

перь самого себя и то и дело оглядываясь в поисках ответа на вопрос, что терзал его.

Флора отступила и жестом пригласила его в магазин. А затем подмигнула мне, давая понять, что лучше оставить этих двоих.

Всё ещё пребывая в шоке, наверное, не меньше чем малыш Марсель, я поднялась, поклонилась ему на прощание и зашагала прочь, то и дело оборачиваясь на странную парочку.

Закупившись необходимым, готовилась возвращаться домой. Как вдруг мне на глаза попалась кожаная лавка. Присмотревшись к своим довольно истоптанным туфлям, я всё же решила зайти, чтобы примерить и, возможно, купить пару туфель. Пару, которая грозила меня пережить. Но в ту минуту думать о грустном не хотелось.

За прилавком сидели двое мужчин. Возраст обоих не поддавался определению из-за густых бород. Правда, у одного из них она была почти полностью седая, а у другого чёрная как уголь. Мужчины прокалывали отверстия в кожаном полотне и настолько сосредоточенно выполняли работу, что не обратили особого внимания на мой приход. Разве что брюнет хмыкнул в усы, оглядев меня, и вернулся к своему занятию.

Стеллажи и полки были сплошь набиты мотками кожи, галантерейными изделиями и обувью. Последнее интересовало меня больше всего. И, пройдя к нужному прилавку, я

стала разглядывать товар в надежде отыскать свой размер. Шить дорогую пару на заказ не хотелось.

— Мисс? — меня окликнула, полная, улыбочивая невысокая дама с аккуратной причёской и в довольно дорогом платье с кожаными вставками на корсете. — Эти туфли будто на вас шиты! Желаете примерить?

— Было бы чудесно, — я посмотрела на полуботинки из светлой кожи, которые сразу мне понравились. — А сколько они стоят?

— Три тысячи эскардо. Но для вас я сделаю скидку. Вы ведь Катрин Бежон? Дочь гончара?

— Да, это я.

— Отдам вам эти туфли за полторы тысячи, — она сжала мою руку. И обернулась через плечо на одного из мужчин, который, тяжело поднявшись, стал возмущаться нечленораздельным басом.

— Да! Эдмон! Я готова отдать туфли этой девушке за полторы тысячи, потому что её набор баночек для специй творит чудеса! Ведь это ты, Эдмон, ешь моё рагу, суп и запеканку. А знаешь ли ты, когда в последний раз я покупала специй? Я не покупала их очень давно, дорогой Эдмон! Потому что они не заканчиваются! Заканчивается весна и лето, а специи, разложенные по баночкам мисс Бежон, остаются! — женщина с восторгом посмотрела на меня. — Вы как-то заколдовали их, Катрин? Признайтесь мне! Иначе я лопну от любопытства!

Я неловко пожала плечами.

— Можно и так сказать.

— Нет, решено! — вскричала она, испугав меня. — Я отдаю их вам, Катрин! Отдаю бесплатно, потому что никак иначе не смогу отблагодарить вас за этот чудесный дар. Мужчины в моей семье обожают кушанья с приправами, и они даже не догадываются, сколько денег уходит на эту их блажь. Специи чрезвычайно дороги. Но теперь благодаря вам одной проблемой в нашем доме стало меньше. Забирайте эти туфли, Катрин, и пускай им не будет сносу!

Я огляделась. Мужчины притихли. Брюнет так вообще заулыбался, чего не удалось скрыть за густой бородой, и подмигнул мне. Смачно отерев потемневшим от работы пальцев усы, седой кивнул.

Магазин я покидала в смешанных чувствах. И лишь обойдя его с торца, вспомнила, что так и не померила обувь. Возвращаться было неловко. А потому, прислонившись к стене, я сбросила старую туфлю и обулась в новую. Что ж, намётанный глаз кожевницы не подвёл. Туфля и впрямь пришлась впору. Надев вторую, я готовилась уже покинуть свой закуток, как вдруг увидела знакомый профиль человека, выходявшего из соседней, ювелирной лавки.

Зачем-то прижалась к стене и, оставаясь в тени, продолжила наблюдать. Интуиция подсказывала, что так правильно.

Версалия вышла на крыльцо. Спустившись с него, она

остановилась, рассматривая руку, на одном из пальцев которой сверкал перстень.

Боясь быть замеченной, я попыталась не шелохнуться, продолжая наблюдать за сводной сестрой с тревожным интересом. Что-то в её вороватом облике настораживало.

Оглядевшись, Версалия коснулась указательным пальцем украшения, и то раскрылось, словно крохотная шкатулка. Женщина злобно улыбнулась.

— Прости, Марион, — проговорила она чуть слышно. — Но сегодня чаепитие с королевой станет последним в твоей короткой жизни.

Она усмехнулась и, развернувшись на месте, направилась к богатому экипажу с двумя белыми лошадьми в упряжке. Лишь когда коляска отъехала, я поняла, как гулко стучит в висках пульс. И хоть ноги держали меня теперь с трудом, что было сил бросилась домой.

Глава 22

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.